

"Молния"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дин Кунц

Молния

Посвящается Грегу и Джоан Бенфорд

Иногда я думаю, что у нас нет более интересных знакомых, чем вы.

Тогда я принимаю две таблетки аспирина и ложусь отдохнуть.

Но я не могу расстаться с этой мыслью.

Плач новорожденного сливается с погребальными песнопениями.

Лукреций

Я не боюсь умереть. Я просто не хочу при этом присутствовать.

Вуди Аллен

Американские горы:

1) небольшая гравитационная рельсовая дорога... с крутыми спусками, что позволяет осуществлять стремительное движение вниз вагончиков с любителями острых ощущений.

Из словаря издательства «Рэндом Хауз»

Часть I

Лора

Страстная любовь к вам делает вас сильным; ваша страстная любовь к кому-то делает вас мужественным.

Лао-цзы

Глава 1

Свеча на ветру

1

В ночь, когда родилась Лора Шейн, разразилась сильная гроза и погода была непривычной, о чем люди вспоминали потом долгое время.

Среда двенадцатого января 1955 года выдалась холодной, серой и мрачной. В сумерках крупные пушистые снежинки посыпались из низких туч, и жители Денвера почувствовали приближение метели со стороны Скалистых гор. К десяти вечера пронизывающий ледяной ветер подул с запада, завывая на горных перевалах и шумя по диким лесистым склонам. Снежинки уменьшились до размера крупинок напоподобие мелкого песка и резко хлестали по окнам уставленного книжными полками кабинета доктора Пола Марквелла.

Марквелл, откинувшись в кресле за письменным столом, согревался с помощью виски. Но причиной охватившего его упорного озноба был не холодный сквозняк, а внутреннее оцепенение ума и сердца.

За те четыре года, что прошли со дня смерти от полиомиелита его единственного сына Ленни, Марквелл пил все больше и больше. Вот и теперь, дежуря в ожидании срочных вызовов из окружной больницы, он не удержался и налил себе еще немного виски.

В просвещенном 1955 году детей вакцинировали сывороткой доктора Джонаса Солка, и близился день, когда всем детям до единого перестанет грозить паралич или смерть от полиомиелита. Но Ленни заразился в 1951 году, за год до того, как доктор Солк приступил к испытаниям вакцины. Паралич охватил дыхательные мускулы, а бронхопневмония осложнила течение болезни. Ленни был обречен.

Низкий рокот с западных гор эхом раскатился в зимней ночи, но Марквелл сначала не обратил на это внимания. Он был столь глубоко погружен в свою постоянную едкую черную тоску, что временами почти не замечал происходящего вокруг.

Фотография сына стояла перед ним на столе. Даже по прошествии четырех лет он испытывал муку при взгляде на улыбающееся лицо ребенка. Следовало убрать фотографию со стола, но он продолжал держать ее на виду, потому что непрерывное самобичевание было его методом искупления вины.

Никто из коллег Пола Марквелла не подозревал, что он пьет. Внешне он всегда был трезв. Последствия тех промахов, которые он допускал при лечении некоторых пациентов, могли возникнуть и естественным путем. Но он-то знал, что допустил ошибку, и, презирая себя, еще глубже погружался в бездну пьянства.

Вновь раздался рокот. На этот раз Марквелл угадал в нем гром, но по-прежнему оставался равнодушным.

Зазвонил телефон. Алкоголь сковывал его движения и замедлял реакцию, и он взял трубку только после третьего звонка.

- Алло?

- Доктор Марквелл? Это Генри Яматта. - Яматта, интерн при окружной больнице, явно нервничал. - Муж только что привез вашу пациентку Джанет Шейн. У нее начались роды. Они с мужем задержались из-за бурана, так что родовая деятельность усилилась.

Марквелл пил виски и слушал. Потом, довольный тем, что у него не заплетается язык, спросил:

- Она еще в первом периоде?

- Да, но у нее слишком сильные и продолжительные для этого периода схватки. Выделение кровянистой слизи из влагалища.

- Это обычное дело.

Яматта перебил:

- Нет-нет, это не обычные выделения.

Слизь, или кровянистые вагинальные выделения, была верным признаком начала и первого периода родов. Но Яматта сказал, что схватки у миссис Шейн уже приобрели регулярный характер. Марквелл явно ошибался, убеждая интерна в обычности процесса.

Яматта продолжал:

- Это не то чтобы кровотечение, но что-то тут не так. Атония матки, узкий таз, общая слабость.

- Я не обнаружил никакой патологии, угрожающей беременности, - резко перебил Марквелл. Но в душе он знал, что мог допустить ошибку, если был пьян. - Сегодня дежурит доктор Карлсон. Если до моего приезда что-то случится, он...

- Только что привезли четырех пострадавших в дорожных происшествиях. Карлсон занят по горло. Вы нам очень нужны, доктор Марквелл.

- Я выезжаю. Буду через двадцать минут.

Марквелл повесил трубку, допил виски и взял из кармана мятную конфету. С тех пор как он пристрастился к виски, он всегда имел при себе мятные конфеты. По пути из кабинета в переднюю он развернул обертку и положил конфету в рот.

Он был пьян, но собирался принимать роды. Могло случиться, что он окажется не на высоте, тогда конец его карьере, его репутация будет погублена, но ему было все равно. С каким-то извращенным чувством он даже предвкушал катастрофу.

Он натягивал пальто, когда раскаты грома разорвали тишину ночи. Дом содрогнулся вместе с ними.

Он сдвинул брови и удивленно взглянул на окно рядом с входной дверью. Мелкие сухие снежинки вихрились у стекла, на мгновение, едва утихал ветер, повисали неподвижно, затем снова продолжали свой танец. Всего один или два раза за многие годы он слышал гром во время метели, но всегда в ее начале, и всегда он звучал приглушенно и вдалеке, совсем не так угрожающе, как теперь.

Молния блеснула раз, потом другой. Падающий снег странно мерцал в мигающем свете, и на секунду окно превратилось в зеркало, в котором Марквелл увидел призрачное отражение своего лица. Последовавший раскат грома превзошел все предыдущие.

Марквелл отворил дверь и остановился, вглядываясь в буйную ночь. Ураганный ветер задувал снег под крышу веранды, наметая сугробы у стены дома. Свежее пышное белое одеяло покрывало лужайку, и ветви сосен с подветренной стороны провисли под тяжестью снега.

Вспышка молнии больно ослепила Марквелла. Оглушительный удар грома, казалось, звучал не только в вышине, но исходил из самых недр земли, будто небеса и веси разверзлись, оповещая о наступлении Страшного суда. Две извилистые пересекающиеся блестящие молнии прорезали тьму. Загадочные силуэты подпрыгивали, извивались, корчились вокруг. Каждая вспышка столь причудливо искажала тени перил, балюстрады, деревьев, обнаженных кустов и уличных фонарей, что привычный Марквеллу мир обрел черты сюрреалистического пейзажа: таинственный свет озарял привычные предметы, придавая им странные формы, пугающе меняя их.

Светящиеся небеса, гром, ветер и белые набегающие волны бурана ошеломили Марквелла, и он внезапно, впервые за этот вечер, почувствовал, что пьян. Он не мог понять, что это за

удивительные световые явления, какие из них настоящие, а какие плод его пьяных галлюцинаций. Осторожно он пересек скользкую веранду до ступенек крыльца, ведущих к заснеженной дорожке, и, прислонясь к столбу, поддерживающему крышу, запрокинул голову, чтобы оглядеть рассекаемое молниями небо.

Громовые разряды раз за разом сотрясали лужайку перед домом и саму улицу, отчего вся картина походила на кадры старой киноленты, застревающей в изношенном проекторе. Молния высветила в ночи всего два цвета: собственную ослепляющую белизну и сверкающую белизну снега, темноту беззвездного неба и черных, как чернила, содрогающихся теней.

Пока он в изумлении и страхе созерцал удивительные причуды небес, наверху разверзлась еще одна неровная трещина. Притягиваемый землей пылающий конец молнии ударил в железный столб уличного фонаря, и Марквелл вскрикнул от ужаса. В момент контакта ночь обратилась в яркий день, а стекла фонаря вылетели под силой взрыва. В такт разряду у Марквелла застучали зубы, загрели половинцы веранды. Холодный воздух на мгновение дохнул озоном и раскаленным железом.

Тишина, покой и тьма вернулись на землю.

Марквелл проглотил мятную конфету.

Изумленные соседи появились на верандах своих домов. А может быть, они там и простояли всю бурю, а он увидел их, только когда воцарилось сравнительное спокойствие обычной метели. Некоторые направлялись через сугробы к пострадавшему фонарю, железный колпак которого полурасплавился. Они переговаривались друг с другом и обращались к Марквеллу, но тот не откликнулся.

Ужасающее зрелище ничуть не отрезвило его. Боясь, что соседи заметят его состояние, он ушел с веранды и скрылся в доме.

К тому же у него не было времени, чтобы болтать о погоде. Он должен был позаботиться о роженице, принять младенца.

Стараясь совладать с собой, он вытащил из стенного шкафа в передней шерстяной шарф, закутал шею, завязал концы на груди. У него тряслись руки, а пальцы заледенели, он с трудом застегнул пальто. Борясь с головокружением, надел резиновые боты.

Он не сомневался, что эта странная молния была каким-то образом связана с ним. Своего рода знак, предзнаменование. «Что за чепуха, – подумал он. – Это виски играет со мной шутки». Но это чувство не покидало его и когда он направился в гараж, поднял дверь и вывел машину; цепи на зимних шинах скрипели и тихо позвякивали на снегу.

Когда же он выехал на дорогу и остановился, чтобы выйти и закрыть гараж, кто-то резко постучал в окно рядом с ним. Марквелл испуганно повернул голову и увидел человека, который, согнувшись, пытался рассмотреть его через стекло.

Незнакомцу было лет тридцать пять. У него были крупные правильные черты лица. Даже через запотевшее окно было видно, какой это красивый человек. На нем был морской бушлат с поднятым воротником. Пар шел у него из ноздрей, и, когда он заговорил, слова в ледяном воздухе облекались в облачка.

- Вы доктор Марквелл?

Марквелл опустил окно.

- Да, в чем дело?

- Вы доктор Пол Марквелл?

- Да, да. Я же вам сказал. Но сегодня я здесь не принимаю, к тому же я тороплюсь в больницу к пациентке.

Ярко-голубые глаза незнакомца напомнили Марквеллу чистое зимнее небо, отраженное в первом тончайшем ледке замерзающего пруда. Они были неотразимо прекрасны, но он сразу понял, что это глаза опасного человека.

Прежде чем Марквелл успел включить скорость и повернуть на улицу, где мог рассчитывать на помощь, человек в бушлате просунул через открытое окно револьвер.

- Не делайте глупостей.

Дуло револьвера впилося в нежную кожу под подбородком, и доктор с некоторым изумлением осознал, что ему не хочется умирать. А ведь он давно убедил себя, что готов безропотно принять смерть. И вот теперь, вместо того чтобы приветствовать свою волю к жизни, он почувствовал угрызения совести. Ведь принять жизнь означало изменить сыну, с которым он мог соединиться только в потустороннем мире.

- Погасите фары, доктор. Вот так. А теперь выключите мотор.

Марквелл вытащил ключ из замка зажигания.

- Кто вы такой?

- Это не имеет значения.

- Для меня имеет. Что вам надо? Что вы собираетесь со мной делать?

- Подчиняйтесь, и все будет в порядке. А попробуете бежать, я разнесу вашу дурацкую голову. Да еще всажу несколько пуль в ваше мертвое тело, так просто, для развлечения. - Он говорил мягким, неожиданно приятным, но одновременно твердым тоном. - Дайте мне ключи.

Марквелл протянул их через открытое окно.

- А теперь выходите.

Постепенно трезвея, Марквелл вылез из машины. Свирепый ветер обжигал лицо. Он зажмурился, защищая глаза от мелкого снега.

- Прежде чем закрывать дверь, поднимите стекло. - Незнакомец стоял вплотную, преграждая путь к спасению. - Вот так, прекрасно. А теперь, доктор, пойдете в гараж.

- Это какое-то безумие. Почему...

- Живее.

Незнакомец крепко держал Марквелла под руку с левой стороны. Если кто-нибудь и наблюдал сцену из соседнего дома или с улицы, то темнота и падающий снег мешали рассмотреть

оружие в руках человека.

В гараже Марквелл по указанию незнакомца опустил тяжелую дверь. Взвизгнули холодные несмазанные петли.

- Если вам нужны деньги...

- Замолчите. Идите в дом.

- Послушайте, моя пациентка рождает в больнице.

- Если вы не заткнетесь, я выбью вам зубы рукояткой вот этого револьвера, и тогда вы уж наверняка замолчите.

Марквелл поверил в угрозу. Незнакомец, как и Марквелл, был футов шести ростом и весил примерно сто восемьдесят фунтов, но производил пугающее впечатление. Его светлые волосы смерзлись, и теперь ручейки сбегали по лбу и вискам; он казался бесчувственным, как ледяное изваяние на зимнем карнавале. Марквелл не сомневался, что в рукопашной схватке незнакомец в бушлате легко одолеет любого противника, не говоря уже о пьяном враче средних лет, который уже давно не в форме.

Боб Шейн задышался в тесной комнате ожидания при родильном отделении. В комнате был низкий потолок, покрытый звукопоглощающими плитками, тусклые зеленые стены и единственное заиндевевшее окно. В ней было душно. Шесть кресел и два низких столика загромождали узкое пространство. Ему хотелось толкнуть дверь в коридор, добежать до главного входа на другом конце больницы и вырваться наружу на холодный ночной воздух без запаха дезинфекции и болезней.

Но он должен был оставаться в комнате ожидания при родильном отделении, чтобы быть рядом с Джанет, если он вдруг ей понадобится. Роды всегда означали страдания, но только не такие мучительные и жестокие, какие уже столько времени терзали Джанет. Врачи не ожидали серьезных осложнений, но и не скрывали своей озабоченности.

Боб понял причину своей клаустрофобии. Он не боялся давящих стен. Он боялся смерти, смерти жены или еще не родившегося ребенка - или смерти их обоих.

Кто-то открыл дверь, и в комнате появился доктор Яматта.

Поднимаясь с кресла, Боб натолкнулся на столик, и журналы веером рассыпались по полу.

- Как она, доктор?

- Все так же. - Яматта был невысок, худощав, с добрым лицом и большими печальными глазами. - Доктор Марквелл скоро будет здесь.

- Но ведь вы и так делаете все, что нужно?

- Не сомневайтесь. Мы делаем все, что в наших силах. Просто я подумал, что вам будет приятно узнать, что скоро приедет ваш лечащий врач.

- Да... Конечно... Благодарю вас. Послушайте, доктор, а я могу ее увидеть?

- Пока нет, - отозвался Яматта.

- Тогда когда же?

- Когда... когда ей станет легче.

- Я не понимаю. А когда ей станет легче? Когда, черт возьми, все это кончится? - Он тут же пожалел о своей несдержанности. - Я... простите меня, доктор. Просто... Просто я боюсь.

- Понимаю. Я все понимаю.

Внутренняя дверь вела из гаража в дом Марквелла. Они прошли через кухню, зажигая по пути свет. Комки тающего снега падали с их ботинок.

Бандит заглянул в столовую, гостиную, кабинет, приемную для больных, затем скомандовал:

- Теперь наверх.

В спальне Марквелла он зажег одну из ламп. Взял у туалетного столика стул с прямой высокой спинкой, обитый материей с ручной вышивкой, и поставил его посередине комнаты.

- Прошу вас, доктор, снимите перчатки, пальто и шарф.

Марквелл подчинился, бросая одежду на пол, и по приказанию бандита сел на стул.

Незнакомец положил револьвер на комод и вытащил из кармана моток крепкой веревки. Он полез под бушлат и вынул короткий нож с широким лезвием, который он, видимо, держал в ножнах у пояса. Он разрезал веревку на куски, явно намереваясь привязать Марквелла к стулу.

Марквелл посмотрел на оружие на комод, прикидывая, не удастся ли ему схватить револьвер. Встретился взглядом с ледяными голубыми глазами и понял, что его замысел столь же ясен врагу, как простодушная уловка ребенка взрослому.

Светловолосый улыбнулся, словно говоря: «Ну давай, чего ждешь».

Пол Марквелл хотел жить. Покорно, не сопротивляясь, он позволил незваному гостю привязать себя за руки и за ноги к стулу.

Затягивая узлы, но не слишком туго, незнакомец выражал непонятную заботу о своем пленнике.

- Я не хочу затыкать вам рот. Вы пьяны, кляп может вызвать у вас рвоту, и вы задохнетесь. Так что придется мне вам поверить. Только не пытайтесь звать на помощь, а то я вас убью на месте. Понятно?

- Да.

Когда бандит не ограничивался несколькими словами, а держал более продолжительную речь, он говорил с легким акцентом, столь неприметным, что Марквелл не мог определить, из каких он мест. Он съедал окончания некоторых слов, и временами в его произношении проскальзывали еле уловимые гортанные нотки.

Незнакомец присел на край постели и положил руку на телефонный аппарат:

- Дайте номер больницы.

Марквелл удивился:

- Зачем вам?

- Не ваше дело, давайте номер, и все тут. А не дадите, я не стану его искать в телефонной книге, а выколочу его из вас.

Напуганный Марквелл дал номер.

- Кто там сегодня на дежурстве?

- Доктор Карлсон. Херб Карлсон.

- Он надежный человек?

- Что вы хотите сказать?

- Он лучше вас как доктор или такой же пропойца?

- Я не пропойца. Я...

- Вы безответственный эгоистичный алкоголик и полная развалина, и вы это знаете. А теперь отвечайте на мой вопрос: Карлсон - надежный человек?

Внезапно подступившая к горлу тошнота была лишь частично вызвана чрезмерным потреблением виски; другой причиной была истина, прозвучавшая в словах незваного гостя.

- Да, Херб Карлсон - надежный человек. И очень хороший доктор.

- А кто сегодня старшая сестра?

Марквелл на секунду задумался.

- Кажется, Элла Хэнлоу. Точно не знаю. Если не Элла, то Вирджиния Кин.

Незнакомец набрал номер окружной больницы и сказал, что он говорит от имени доктора Пола Марквелла. Он попросил к телефону Эллу Хэнлоу.

Порыв ветра налетел на дом, загремел плохо запертым окном, засвистел в стропилах и вновь напомнил Марквеллу об урагане. Он смотрел на снег, что валил за окном, и опять им овладело чувство неясного беспокойства. Ночь была до такой степени переполнена событиями - молния, этот непонятный пришелец, - что внезапно он ощутил ее нереальность. Он сделал попытку выпутаться из веревок, притягивающих его к стулу, уверенный, что они лишь часть пьяного сновидения и распадутся, как паутина, но они не поддались, и от усилия у него закружилась голова.

Тем временем незнакомец говорил в трубку:

- Это сестра Хэнлоу? Доктор Марквелл не сможет сегодня приехать. Вы говорите, что у его пациентки Джанет Шейн тяжелые роды? Вот как? Да, он знает. Он хочет, чтобы роды принимал доктор Карлсон. Нет-нет, боюсь, он никак не сможет приехать. Нет, не из-за погоды. Просто он напился. Нет, вы не ослышались. Он опасен для больных. Нет... В таком состоянии

он не может взять трубку. Сожалею. В последнее время он много пил, но скрывал это, а сегодня он совершенно невменяем. Что-что? Я сосед. Ладно. Благодарю вас, сестра Хэнлоу. До свидания.

Марквелл почувствовал злость и одновременно неожиданное облегчение от разоблачения его тайны.

- Подонок, ты меня погубил.

- Нет, доктор, это вы сами себя погубили. Ненависть к самому себе разрушила вашу жизнь. Из-за этого вас бросила жена. Ваш брак и без того был непрочным, это верно, но вы могли его спасти, будь жив Ленни, и даже после его смерти, если бы вы не ушли целиком и полностью в себя.

Марквелл был потрясен:

- Откуда, черт возьми, вы знаете, как это было у нас с Анной? И откуда вы знаете о Ленни? Я вас вижу впервые. Откуда вы все обо мне знаете?

Не отвечая на вопросы, незнакомец бросил две подушки к изголовью кровати. Положил на покрывало ноги в мокрых грязных ботинках и растянулся на постели.

- Что бы вы там ни думали, вы не виноваты в смерти сына. Вы только врач, а не чудотворец. А вот уход Анны - это ваша вина. Как и то, что вы превратились в настоящую угрозу для ваших больных.

Марквелл попытался было возражать, но вздохнул и низко опустил голову.

- Знаете, в чем ваша беда, доктор?

- Скажите, ведь вы все знаете.

- Ваша беда в том, что вам все доставалось легко, вы не знали, что такое горе. Ваш отец был богатым человеком, у вас было все, что пожелаете, вы учились в самых лучших школах. И хотя как врачу вам сопутствовал успех, вы никогда не нуждались в деньгах, а проживали наследство. Поэтому, когда Ленни заболел полиомиелитом, вы не знали, как бороться с несчастьем, у вас не было никакого опыта. У вас не было *иммунитета* против житейских невзгод, а значит, вы не могли им противостоять и впали в отчаяние в самой тяжелой его форме.

Марквелл поднял голову и замигал, вглядываясь в незнакомца.

- Не понимаю.

- Постоянные страдания все-таки кое-чему вас научили, Марквелл, так что, если вы перестанете прикладываться к бутылке и научитесь ясно мыслить, для вас еще не все потеряно. У вас еще есть небольшой шанс исправиться.

- А может, я не хочу исправляться?

- Боюсь, что тут вы говорите правду. Мне кажется, вы боитесь смерти, но не знаю, хватит ли у вас мужества, чтобы продолжать жить.

Марквелл дышал винным перегаром и мятой. Во рту пересохло, язык распух. Он жаждал

опохмелиться.

Без надежды на успех он подвигал руками, привязанными к стулу. Наконец, презирая себя за жалостливый голос, но не в силах держаться с достоинством, он прохныкал:

- Что вам от меня нужно?

- Я не хочу, чтобы вы сегодня ехали в больницу. Я хочу быть точно уверен, что вы не будете принимать роды у Джанет Шейн. Вы превратились в мясника, потенциального убийцу, и на этот раз вас надо остановить...

Марквелл облизал сухие губы.

- Я до сих пор не знаю, кто вы такой.

- И никогда не узнаете, доктор. Никогда.

Никогда прежде Боб Шейн не испытывал такого страха. Он изо всех сил сдерживал слезы, потому что суеверно полагал, что открыто проявлять страх - это значит искушать судьбу, что может навлечь смерть на Джанет и младенца.

Сгорбившись, опустив голову, он молил про себя: «Господи, ведь Джанет могла сделать лучший выбор. Она такая красивая, а я - настоящее чучело. Я всего-навсего простой бакалейщик, и моя лавчонка никогда не будет приносить большого дохода, а она все равно меня любит. Господи, она такая хорошая, добрая, скромная... она не должна умереть. Может, Ты хочешь забрать ее потому, что она уже достойна рая. Но я-то еще *не достоин* и нуждаюсь в ней, чтобы она могла сделать из меня хорошего человека».

Дверь отворилась.

Боб поднял голову.

Доктор Карлсон и доктор Яматта в зеленых больничных халатах вошли в комнату.

Их появление испугало Шейна, и он медленно поднялся с кресла.

Глаза Яматты никогда не были такими грустными.

Доктор Карлсон был высоким солидным мужчиной, который выглядел представительно даже в мешковатой больничной форме.

- Мистер Шейн... Я очень сожалею. Очень сожалею, но ваша жена скончалась во время родов.

Боб застыл на месте, словно ужасная новость обратила его в камень. Он почти не слышал, что говорит Карлсон.

- Слишком узкий таз... одна из тех женщин, которых природа не предназначала для деторождения. Ей нельзя было беременеть. Сожалею... Очень сожалею... все, что было в наших силах... сильное кровотечение... но младенец...

Слово «младенец» вывело Роберта из состояния паралича. Он неуверенно шагнул к Карлсону.

- Вы сказали «младенец»?

- Это девочка, - ответил Карлсон. - Здоровенькая маленькая девочка.

Боб считал, что все потеряно. И вот теперь он смотрел на Карлсона, и в его душе зарождалась робкая надежда, что частица Джанет не умерла и что в конце концов он не совсем одинок в этом мире.

- Это правда? Девочка?

- Да, - подтвердил Карлсон. - Удивительно красивый ребенок. Она родилась с густыми темными волосами.

Глядя на Яматту, Боб произнес:

- Моя девочка выжила.

- Да, - в свою очередь, подтвердил Яматта. Горькая улыбка мелькнула у него на губах. - Вы должны благодарить доктора Карлсона. Боюсь, что миссис Шейн была обречена. А в менее опытных руках погибла бы и девочка.

Все еще боясь поверить, Боб обратился к Карлсону:

- Ребенок... Ребенок выжил, значит, мне есть за что благодарить судьбу.

Врачи стояли в неловком молчании. Затем Яматта положил руку на плечо Боба Шейна, словно чувствуя, что тот нуждается в таком прикосновении.

И хотя Боб был куда выше и тяжелее хрупкого доктора, он склонился к Яматте. Подавленный горем, он расплакался, и Яматта обнял его.

Хотя незнакомец пробыл у Марквелла еще час, он молчал и не отвечал ни на один его вопрос. Погруженный в свои мысли, он лежал на кровати, уставившись в потолок и почти не двигаясь.

По мере того как доктор трезвел, его начала одолевать мучительная головная боль. Как всегда во время похмелья, он испытывал к себе еще более острую жалость, чем та, которая вынуждала его пить.

Наконец незваный гость посмотрел на свои часы:

- Одиннадцать тридцать, мне пора уходить. - Он поднялся с кровати, подошел к стулу и вытащил из-под бушлата тот самый нож.

Марквелл напрягся.

- Я немного подрежу веревки, доктор. За полчаса вы сумеете из них выпутаться, если очень постараетесь. А у меня будет достаточно времени, чтобы убраться отсюда подальше.

Пока человек, склонившись, подрезал веревки, Марквелл ждал, что лезвие ножа вот-вот вонзится ему между ребер.

Но не прошло и минуты, как незнакомец опять спрятал нож и, задержавшись у двери спальни, сказал:

- Вы еще можете исправиться, доктор. Не думаю, что у вас на это хватит воли, но, кто знает, может, я ошибаюсь.

И он вышел.

Минут десять, пока Марквелл старался освободиться от веревок, он время от времени слышал снизу какой-то шум. Видимо, гость искал, чем поживиться. И хотя он казался загадочным, вернее всего, он был обычным взломщиком со странной манерой поведения.

В двадцать пять минут после полуночи Марквелл наконец высвободился. От трения веревок у него на запястьях выступила кровь.

И хотя уже полчаса снизу не доносилось ни звука, он взял из ночного столика револьвер и осторожно спустился по лестнице. Он направился в кабинет, где принимал больных и где вор наверняка запасся наркотическими средствами; но никто не прикасался к двум белым высоким шкафам, где хранились лекарства.

Он поспешил в библиотеку, уверенный, что найдет взломанным свой ненадежный сейф. Но сейф не был взломан.

В растерянности он повернулся, чтобы уходить, и вдруг заметил гору пустых бутылок из-под виски, джина, текилы и водки в раковине при баре. Гость задержался лишь для того, чтобы найти запас спиртного и вылить его в раковину.

К зеркалу в баре была приклеена клейкой лентой записка. Пришелец написал ее аккуратными крупными печатными буквами:

Если вы не прекратите пить, если вы не примиритесь с мыслью о смерти сына, то не пройдет и года, как выстрелом в рот вы разнесете себе мозги. Это не предсказание, а непреложный факт.

Сжимая в руках записку и револьвер, Марквелл обвел взглядом пустую комнату, словно незнакомец, как привидение, которое по своему желанию может появляться и исчезать, все еще незримо присутствовал здесь.

- Кто вы такой? - спросил Марквелл. - Кто вы такой, черт побери!

В одиннадцать часов на следующее утро, после ранней встречи с директором похоронного бюро по поводу погребения Джанет, Боб Шейн вернулся в больницу, чтобы посмотреть на свою новорожденную дочь. Он надел халат, шапочку, хирургическую маску, тщательно, под руководством сестры, вымыл руки, и только после этого ему разрешили войти в палату для новорожденных и осторожно взять Лору из кровати.

В палате находились еще девять новорожденных. Все они были по-своему хороши, но Боб мог с полной уверенностью и без преувеличения сказать, что Лора Джин была самой хорошенькой. И хотя у ангела в обычном представлении должны быть голубые глаза и светлые кудри, а у Лоры глаза были карие, а волосы каштановые, она была на вид настоящим ангелочком. За все десять минут, пока он держал ее на руках, она ни разу не заплакала, а только моргала, щурилась, зевала и смотрела по сторонам. Она выглядела печальной, будто знала, что лишилась матери и что в этом холодном неприветливом мире они с отцом могут рассчитывать только друг на друга.

Большое окно, через которое родные могли наблюдать за новорожденными, занимало всю стену. Пять человек стояли за стеклом. Четверо из них улыбались, показывали пальцами и корчили гримасы, чтобы рассмешить младенцев.

Пятым был блондин в морском бушлате, который стоял, засунув руки в карманы. Он не улыбался, не показывал на кого-нибудь из младенцев, не делал гримас. Он пристально разглядывал Лору.

Прошло несколько минут, а незнакомец все смотрел на ребенка, и Боб ощутил беспокойство. Это был приятный, привлекательный и даже красивый мужчина, но в его лице угадывалась жестокость и еще что-то такое, чего Боб не мог выразить словами, но признавал, что этот человек многое повидал и был способен на ужасные поступки.

Он вдруг вспомнил сенсационные случаи похищения младенцев и их продажи на черном рынке. Он убеждал себя, что сходит с ума, воображает несуществующую опасность, и все из-за того, что, потеряв Джанет, он теперь страшился потерять и дочь. Но чем дольше светловолосый мужчина созерцал Лору, тем беспокойнее становилось на душе у Боба. Словно почувствовав это волнение, человек поднял на него глаза. Их взгляды скрестились. Взгляд синих глаз незнакомца был необычайно острым, пронизывающим. Страх Боба усилился. Он крепче прижал к себе дочь, словно незнакомец мог вломиться внутрь через окно и схватить ее. Он хотел было позвать кого-нибудь из сестер, чтобы та обратилась к человеку и выяснила, кто он такой.

Внезапно человек улыбнулся. Широкая, сердечная, искренняя улыбка преобразила его лицо. В один миг из зловещей фигуры незнакомец превратился в доброжелателя. Он подмигнул Бобу через толстое стекло, выразительно артикулируя, произнес одно-единственное слово: «Красавица».

Боб расслабился, улыбнулся, понял, что его улыбку скрывает маска, и кивнул в знак благодарности.

Незнакомец еще раз взглянул на Лору, снова подмигнул Бобу и отошел от окна.

Позже, когда Боб Шейн уехал домой, высокий человек в темной одежде приблизился к окну палаты. Его имя было Кокоска. Сначала он разглядывал младенцев, затем отвел взгляд в сторону и увидел свое бесцветное отражение в полированном стекле. Это было широкое плоское лицо с острыми чертами, губы тонкие и плотно сжатые, казалось, что у него их вообще нет. Дуэльный шрам рассекал левую щеку. Темные глаза были невыразительными, будто сделаны из жести, и очень схожи со злобными глазами акулы, охотящейся в темных океанских расселинах. Он развеселился, заметив, как резко его лицо контрастировало с невинными личиками младенцев за стеклом; улыбнулся, что было для него весьма редким проявлением чувств, но его лицо оставалось каменным и выглядело еще более зловещим.

Он снова осмотрел палату. Легко отыскал Лору Шейн среди спеленутых детишек: карточка с именем каждого была прикреплена к спинке кровати.

«Почему такой интерес к тебе, Лора? – спросил он себя. – Почему твоя жизнь имеет такую значимость? Зачем все эти усилия, чтобы ты благополучно явилась в этот мир? Может быть, мне стоит тут же убить тебя и разрушить планы предателя?»

Он мог без сожаления прикончить ее на месте. Он не в первый раз убивал детей, правда не таких крошечных. Он готов был на любое, самое страшное преступление во имя цели, которой

посвятил всю свою жизнь.

Девочка спала. Время от времени она причмокивала, ее личико жалобно морщилось, возможно, она печалилась о той спокойной жизни, которую вела во чреве матери.

Наконец он принял решение не убивать ее. Еще не пришло время.

- Я всегда могу потом прикончить тебя, малышка, - пробормотал он. - Сначала я узнаю, какую роль тебе отводит предатель в своих планах, вот *тогда* ты распрощаешься с жизнью.

Кокошка пошел прочь от окна. Он знал, что расстанется с девочкой на целых восемь лет.

2

Дожди редки в Южной Калифорнии весной, летом и осенью.

Сезон дождей начинается обычно в декабре и завершается в марте. Но в субботу второго апреля 1963 года тучи покрывали небо, а влажность была необычайно высокой. Боб Шейн распахнул дверь своей небольшой бакалейной лавки в Санта-Ана и выглянул наружу: все говорило о том, что приближается последний сильный ливень сезона.

Фигуговые деревья в саду дома напротив и финиковая пальма на углу застыли в неподвижном воздухе и опустили листья, словно под тяжестью грядущей бури.

Рядом с кассовым аппаратом негромко играло радио. Группа «Бич бойз» исполняла свой новый хит «Американский серфинг». С учетом погоды песня была столь же уместна, как и «Белое Рождество» в июле.

Боб посмотрел на свои часы: три пятнадцать.

«Дождь хлынет в три тридцать, - подумал он, - и это будет настоящий потоп».

Торговля шла хорошо утром, а после обеда он сидел без дела. Сейчас в магазине не было покупателей.

Бакалейной лавке, которая была семейным делом, грозила новая сильнейшая конкуренция со стороны сети однотипных магазинов таких компаний, как «Семь-Одиннадцать». Боб планировал расширить кулинарный отдел, увеличить ассортимент полуфабрикатов, но тянул с этим, поскольку кулинария требовала значительных затрат труда.

Если надвигающаяся гроза будет очень сильной, то вряд ли стоит рассчитывать на большое число покупателей вечером. Он может пораньше закрыть лавку и повести Лору в кино.

Повернувшись, он сказал:

- Пойди приготовь лодку, милочка.

Лора, погруженная в работу, стояла на коленях у нижней полки как раз напротив кассы. Боб принес со склада четыре картонки консервированных супов, и теперь за дело взялась Лора. Ей было всего восемь, но она была надежной опорой и любила помогать отцу в магазине. Наклеив с помощью «пистолета» ценник на каждую банку, она расставляла их на полке с учетом срока годности товара: новые банки позади еще не проданных.

Она неохотно подняла голову.

- Лодка? Какая лодка?

- Там наверху, в квартире. Лодка в стенном шкафу. Ты только посмотри на небо, она нам может сегодня пригодиться.

- Глупышка, - отозвалась Лора. - У нас в стенном шкафу нет лодки.

- Хорошенькая голубая лодочка.

- Да неужели? В шкафу? Каком еще шкафу?

Он начал размещать на металлическом стенде у кассы пачки диетического печенья рядом с пакетами крекеров.

- Шкаф в библиотеке, будто ты не знаешь.

- У нас нет библиотеки.

- Разве? Ну раз так, значит, не в библиотеке. Она в шкафу в жабиной комнате.

Лора хихикнула.

- Какой такой комнате?

- Уж не хочешь ли ты сказать, что ничего не слыхала о жабе?

Усмехаясь, она затрясла головой.

- В настоящее время у нас снимает комнату distinguished и добропорядочный джентльмен из Англии. Джентльмен-жаба находится здесь по поручению Ее Величества.

Вспыхнула молния, и в апрельском небе прогрехотал гром. Треск электрических разрядов заглушил песенку «Ритм дождя» группы «Каскады».

Лора не обращала внимания на грозу. Она не боялась того, что пугало большинство детей. Она была столь уверена в себе и самостоятельна, что иногда походила на маленькую старушку, облаченную в детское платье.

- А почему Королева поручает дела жабе?

- Жабы - отличные бизнесмены, - ответил Боб, вскрывая пачку диетического печенья и откусывая кусочек. После смерти Джанет и переезда в Калифорнию, где он начал все сначала, он прибавил пятьдесят фунтов. Он и прежде не ходил в красавцах. А теперь, в тридцать восемь, это был приятно округлый мужчина, у которого оставалось мало шансов вскружить голову женщине. Удача не баловала его и в делах: никто еще не нажил богатства, держа бакалейный магазин в пригороде. Но у него была Лора, и он был примерным отцом, и она всей душой отвечала на его любовь, поэтому ему было все равно, что думает о нем остальной мир.

- Да, жабы действительно отличные бизнесмены. А эта семья служит Короне уже столетия. Между прочим, этот джентльмен возведен в рыцарское достоинство. Он сэра Томас Жаба.

Молния вспыхнула еще ярче. Раскаты грома стали оглушительными.

Лора кончила расставлять товар, поднялась с колен и вытерла руки о белый передник, прикрывавший майку и джинсы. Густые каштановые волосы и большие карие глаза делали ее очаровательной и очень похожей на мать.

- А сколько сэр Томас платит за комнату?

- Шесть пенсов в неделю.

- Он живет в комнате рядом со мной?

- Да-да, в той самой комнате, где в шкафу спрятана лодка.

Она снова рассмеялась.

- Пусть только не храпит.

- Он и тебя тоже об этом просит.

Изношенный проржавевший «Бьюик» остановился перед магазином, и стоило водителю отворить дверь, как третий всполох молнии расколол темнеющее небо. Словно расплавленная лава, пылающий свет затопил улицу вместе с «Бьюиком» и проезжавшими машинами. Последовавший гром потряс дом от крыши до основания, бушующее небо и земля слились в единое целое, казалось, началось землетрясение.

- Вот это да! - Лора бесстрашно приблизилась к окну.

Сильный порыв западного ветра закрутил листья и мусор, хотя еще не упало ни капли дождя.

Человек, вылезший из потрепанного голубого «Бьюика», изумленно взирал на небо.

Одна молния за другой пронзали облака, рассекали воздух, пожаром отражались в стеклах и хrome автомобилей, и каждую из них сопровождал раскат грома, будто некто на небесах изо всех сил колотил по земле мощными кулаками.

Следующая молния заставила Боба вздрогнуть от ужаса. Он закричал Лоре:

- Милочка, отойди от окна!

Она бросилась к нему за прилавок, позволила обнять себя, скорее не из-за своего, а его собственного страха.

Человек из «Бьюика» поспешил укрыться в магазине. Показывая на бушующие небеса, он воскликнул:

- Вы когда-нибудь такое видели? Вот это да!

Гром стих, и вернулась тишина.

Пошел дождь. Крупные капли сначала редко ударяли по стеклу, потом хлынули сплошным водопадом, отрезав обитателей маленькой лавки от внешнего мира.

Потенциальный покупатель повернулся к Бобу и с улыбкой сказал:

- Ничего себе светопредставление.

Боб хотел было ответить, но, присмотревшись к клиенту, смолк, почуяв опасность, как олень чувствует присутствие затаившегося волка. На визитере были разбитые нечищенные высокие ботинки на шнуровке, грязные джинсы и неопрятная куртка, расстегнутая на груди, из-под которой виднелась заношенная майка. Давно не мытые волосы торчали в разные стороны, а небритое лицо покрывала щетина. У него были воспаленные, налитые кровью глаза. Наркоман, точно наркоман. По пути к прилавку он вытащил из куртки револьвер, и Боб принял это как должное.

- Давай кассу, задница.

- Сейчас, сейчас, только не волнуйся.

Наркоман облизнул растрескавшиеся губы.

- Не вздумай поднять тревогу, ублюдок.

- Ладно, ладно, твоя взяла. - Одной рукой Боб подталкивал Лору, чтобы спрятать ее за спину.

- Оставь девчонку, чтобы я мог ее видеть! Я хочу ее *видеть*. А ну-ка перестань ее прятать, твою мать, что я тебе говорю!

- Ладно, ладно, успокойся.

Наркоман был весь напряжение, ощерившись застывшей улыбкой, он заметно трясся всем своим телом.

- Так, чтобы я мог ее видеть. Займись кассой и не вздумай шарить под прилавком, искать револьвер, не то я вышибу твои паршивые мозги.

- У меня нет оружия, - заверил Боб. Он взглянул на окна, по которым стекали струи дождя, в надежде, что никто из покупателей их не посетит, пока идет налет. Наркоман нервничал и мог уложить на месте первого же, кто откроет дверь.

Лора хотела спрятаться за отца, но бродяга предупредил:

- А ну стой на месте!

Боб сказал:

- Ей только восемь...

- Она сучка, они все гребаные сучки, и большие, и маленькие... - Его пронзительный голос все время срывался на визг. Судя по всему, он был напуган не меньше Боба, что приводило того в еще больший ужас.

И хотя все его внимание было сосредоточено на бродяге и его револьвере, Боб почему-то слышал, как радио играет песню Малыша Дэвиса «Конец света», что звучало для него абсолютно пророчески. Он горячо молил, чтобы песня поскорее кончилась и чтобы вместе с концом света в песне не завершилась и их с Лорой жизнь; подобное суеверие было вполне оправданным для человека под дулом револьвера.

- Вот деньги, все что есть, бери.

Сгребая деньги с прилавка и засовывая их в карманы грязной куртки, бродяга спросил:

- У тебя есть складская комната за магазином?

- Зачем тебе?

Движением руки наркоман в злобе смел на пол диетическое печенье, леденцы и жевательную резинку. Он приставил револьвер к животу Боба.

- У тебя есть склад, задница, я точно знаю. Пойдем-ка туда.

У Боба вдруг пересохло во рту.

- Послушай, забирай деньги и уходи. Ты ведь за этим пришел. Уходи. Прошу тебя, уходи.

Теперь, когда у него в кармане лежали деньги, а Боб был явно напуган, наркоман чувствовал себя более уверенно, хотя еще не смог унять дрожь. Ухмыляясь, он сказал:

- Не бойся, я не собираюсь никого убивать. Мне бы только побаловаться с этой маленькой сучкой, а там меня только и видели.

Боб клял себя, что не обзавелся револьвером. Лора прижималась к нему, ища защиты, а он ничем не мог ей помочь. По пути на склад он мог бы броситься на бродягу, попытаться вырвать у него револьвер. Но ему мешал лишний вес, он был не в форме. Он не сможет совладать с ним, получит пулю в живот и останется умирать на полу, а мерзкое животное утащит Лору в заднюю комнату и там изнасилует.

- А ну пошевеливайся, - нетерпеливо приказал бродяга. - *Давай, давай!*

Раздался выстрел и одновременно крик Лоры, и Боб, защищая, крепко прижал ее к себе, но выстрел предназначался бродяге. Пуля вошла в левый висок, снесла часть черепа, и он с маху рухнул на рассыпанное на полу печенье, крекеры и жевательную резинку; смерть была столь мгновенной, что он не успел нажать на курок собственного револьвера.

В ошеломлении Боб взглянул направо и увидел высокого блондина с револьвером в руке. Он явно проник в дом через заднюю служебную дверь и тихо прокрался через складское помещение. А в лавке он без предупреждения застрелил бродягу. Спокойно, без эмоций, словно опытный убийца, он созерцал мертвое тело.

- Слава богу, полиция, - сказал Боб.

- Я не полиция. - На человеке были серые брюки, белая рубашка и темный спортивный пиджак, а под мышкой виднелась кобура.

Боб в растерянности соображал, не был ли спаситель *следующим* налетчиком, готовым продолжить начатое предыдущим и столь радикально прерванное мероприятие.

Незнакомец поднял голову. Взгляд его ярко-голубых глаз был прямым, пронизательным.

Боб не сомневался, что видел прежде этого человека, но не мог вспомнить, где и когда.

Незнакомец посмотрел на Лору:

- Как ты себя чувствуешь, дорогая?

- Хорошо, - отозвалась она, по-прежнему прижимаясь к отцу.

Резкий запах мочи исходил от убитого: в миг смерти он потерял контроль над мочевым пузырем.

Обойдя мертвое тело, незнакомец пересек магазин и закрыл на засов входную дверь. Опустил на ней металлическую штору. Он озабоченно посмотрел на широкие окна витрин, по которым непрерывно стекали дождевые потоки, мешая разглядеть что-нибудь снаружи.

- Окна, видимо, никак не прикроешь. Надо надеяться, что никто не станет заглядывать внутрь.

- Что вы с нами сделаете? - спросил Боб.

- Я с вами? Да ничего. Я не псих. Мне от вас ничего не надо. Я просто запер дверь, чтобы мы могли отработать версию, которую вы выдадите полиции. Нам надо уточнить все до мелочи, прежде чем кто-нибудь явится и увидит тело.

- Зачем мне версия?

Склонившись над трупом, незнакомец вытащил из карманов запятнанной кровью куртки ключи от автомобиля и пачку денег. Выпрямившись, он сказал:

- Ладно, я вам объясню: вы должны сказать, что нападавших было двое. Один заинтересовался Лорой, а другой и слышать не хотел, чтобы насиловать маленькую девочку, а хотел поскорее убраться отсюда. Они начали спорить, потом ссориться, второй пристрелил этого ублюдка и скрылся с деньгами. Вы можете говорить убедительно?

Боб никак не мог поверить, что они с Лорой спасены. Одной рукой он по-прежнему крепко прижимал к себе дочь.

- Я... Я ничего не понимаю. Вы ведь не сообщники. Вы не виноваты, что убили его, ведь, в конце концов, он сам собирался нас убить. Почему бы нам не сказать правду?

Возвращая Бобу пачку денег, незнакомец спросил:

- Какова же правда?

- Вы... вы тут оказались случайно и увидели, что это ограбление.

- Я не *просто так* здесь оказался, Боб. Я охранял вас с Лорой. - Человек вложил револьвер в кобуру под мышкой и взглянул на Лору. Она смотрела на него широко открытыми глазами. Он улыбнулся и негромко пояснил:

- Я ваш ангел-хранитель.

Нисколько не веря в ангелов-хранителей, Боб спросил:

- Вы нас охраняли? Зачем, как долго и где вы прятались?

Незнакомец нетерпеливо ответил, и в его голосе Боб впервые заметил легкий неуловимый акцент.

- Это моя тайна. - Он взглянул на омываемые дождем окна. - Я не хочу, чтобы меня допрашивала полиция. Так что постарайтесь запомнить эту версию.

Боб спросил:

- Откуда я вас знаю?

- Вы меня не знаете.

- Нет, я точно видел вас прежде.

- Вы ошибаетесь. Кстати, вам и не надо меня знать. А теперь, ради бога, спрячьте деньги, чтобы касса была пустой: странно было бы, если бы второй бродяга скрылся без денег. Я отведу его машину за пару кварталов отсюда, так что можете дать полицейским ее описание. Да и мое тоже. Это не имеет значения.

Снаружи прогремел гром, но теперь это были приглушенные отдаленные раскаты, а не те взрывы, с которых началась буря.

Во влажном воздухе медленно крепчал запах крови с привкусом меди, мешаясь с вонью мочи.

Почти успокоенный, Боб опирался на прилавок, по-прежнему одной рукой прижимая Лору к себе. Он спросил:

- А могу я сказать, что вы помешали грабежу, застрелили этого типа, но не хотели неприятностей и поэтому ушли?

Незнакомец нетерпеливо повысил голос:

- Как просто: вооруженный человек оказался поблизости при налете и решил разыграть героя? Полиция не поверит в такую за уши притянутую байку.

- Но так оно и было...

- Только они это не скушают! Послушайте, может случиться, они станут подозревать, что это вы пристрелили наркомана. А так как у вас нет оружия, по крайней мере зарегистрированного, они могут подумать, что у вас был нелегальный пистолет и что вы от него избавились, когда пристрелили этого типа, а потом сострепали историю о Робин Гуде, который явился невесь откуда для вашего спасения.

- Я честный торговец с хорошей репутацией.

В глазах незнакомца промелькнула грусть, печальное воспоминание.

- Боб, вы хороший человек... но вы немного наивны.

- О чем вы...

Незнакомец поднял руку, призывая к молчанию.

- К сожалению, в критических ситуациях репутация человека мало что значит. Большинство людей доброжелательны и готовы поверить вам на слово, но отдельные озлобленные личности могут пойти на все, чтобы уничтожить, погубить других людей. - Его голос упал до шепота, и, хотя он не спускал глаз с Боба, он был далеко отсюда, в иных местах и с иными людьми. - Зависть, Боб, съедает их заживо. Будь у вас деньги, они завидовали бы вашему богатству. Нет денег, так они завидуют, что у вас такая добрая, умная, любящая дочь. Они будут завидовать вам только потому, что вы *не* умираете от зависти к ним самим. Одна из величайших горестей

человеческой жизни состоит в том, что люди не находят счастья в своей собственной жизни, а счастливы только бедами других.

Боб не мог опровергнуть обвинения в наивности, он знал, что незнакомец говорит правду. Эта мысль заставила его вздрогнуть.

После минутного молчания страх исчез с лица незнакомца и сменился выражением озабоченности.

- А когда полицейские решат, что вы выдумали этого спасителя Робин Гуда, тогда они начнут думать, что, возможно, бродяга приходил сюда не для грабежа, а потому, что он ваш знакомый, что вы с ним что-то не поделили, а может, даже и *запланировали* убийство и пытаетесь замаскировать его под грабеж. Именно так у них работает голова, Боб. А если они не смогут вам это пришить, то вылезут из кожи, чтобы отравить вам жизнь. Вы хотите, чтобы Лора прошла через все это?

- Нет.

- Тогда соглашайтесь.

Боб кивнул:

- Я согласен. Но кто вы такой, черт побери?

- Не имеет значения. Да и времени у нас сейчас нет. - Он зашел за прилавок и наклонился к Лоре, приблизив свое лицо к ее лицу. - Ты поняла, что я сказал отцу? Если полиция спросит тебя, что случилось...

- Вы пришли с этим человеком. - Она не глядя махнула рукой в сторону трупа.

- Правильно.

- Вы с ним дружили, - продолжала она, - но потом стали спорить из-за меня, хотя я не знаю почему, я ничего такого...

- Не будем выяснять это, милая, - сказал незнакомец.

Лора кивнула.

- И вы его застрелили, выбежали на улицу с деньгами, сели в машину и уехали, а я очень испугалась.

Незнакомец посмотрел на Боба.

- А ей всего восемь лет.

- Она умная девочка.

- И все же будет лучше, если они не станут на нее слишком давить.

- Я им не позволю.

- А станут, - сказала Лора, - я буду плакать, и они отвяжутся.

Незнакомец улыбнулся. Он так ласково смотрел на Лору, что Боб ощутил беспокойство. Но в нем не было ничего от того маньяка, который хотел утащить Лору на склад; его лицо выражало нежность и расположение. Он погладил ее по щеке. К великому удивлению Боба, в глазах незнакомца появились слезы. Он заморгал, смахивая их.

- Спрячьте деньги, Боб. Помните, что я их забрал.

Боб осознал, что все еще держит в руках пачку банкнот. Он затолкал ее в карман брюк под широким передником.

Незнакомец отпер дверь и поднял металлическую штору.

- Береги ее, Боб. Она у нас особенная, - сказал незнакомец и, не закрывая двери, выскочил под дождь, сел в «Бьюик» и стремительно, с визгом шин, тронулся с места.

По-прежнему играло радио, но Боб не слышал его с тех самых пор, как звучал «Конец света», перед выстрелом, убившим наркомана. Теперь Шелли Фабарес пела «Джонни-ангела».

Вдруг он вновь услышал шум дождя, и не просто как глухой стук и шорох вдали, а действительно услышал, как дождь бешено колотит по окнам и крыше наверху над квартирой. Несмотря на открытую дверь, через которую порывами вривался ветер, запах крови и мочи нестерпимо усилился, и так же внезапно Боб вышел из транса и понял, как близко смерть подошла к его драгоценной Лоре. Твердя ее имя, он подхватил ее на руки, прижал к груди, гладил по голове. Он прижался лицом к ее шее, вдыхал свежий запах кожи, ощущал биение пульса и благодарил бога за то, что она жива.

- Я так люблю тебя, Лора.

- Я тоже люблю тебя, папочка. Но теперь нам пора вызывать полицию.

- Ты права, - согласился он, неохотно опуская ее на пол.

Слезы слепили ему глаза. В растерянности он вдруг забыл, где стоит телефон.

Лора уже сняла трубку. Она протягивала ее ему.

- Хочешь, я сама позвоню, папочка? Номер тут на диске. Давай я позвоню.

- Нет, я сам, девочка. - Сдерживая слезы, он взял у нее аппарат и сел на старую деревянную табуретку за кассой.

Она положила ему руку на плечо, понимая, что он нуждается в ее прикосновении.

У Джанет был сильный характер. Но сила воли и самообладание Лоры не соответствовали ее возрасту, и Боб Шейн удивлялся, откуда это у нее. Может быть, она полагалась на себя оттого, что росла без матери.

- Папочка! - Лора, напоминая, пальцем стучала по телефону. - Ты должен позвонить в полицию, ты не забыл?

- Да, да. - Задыхаясь от запаха смерти, заполнившего магазин, он набрал номер экстренного вызова.

Задумчиво поглаживая шрам на щеке, Кокошка сидел в машине напротив маленькой бакалеи Боба Шейна.

Дождь прекратился. Полиция уже уехала. С наступлением темноты вспыхнули неоновые вывески магазинов и зажглись фонари, но, несмотря на эту иллюминацию, темный, слабо поблескивающий асфальт мостовой и тротуара, казалось, поглощал, а не отражал яркий свет.

Кокошка прибыл сюда одновременно со Штефаном, этим светловолосым и голубоглазым предателем. Он слышал выстрел, видел, как Штефан скрылся на автомобиле убитого, он смешался с толпой зевак по приезде полиции и таким образом был неплохо осведомлен о случившемся в магазине.

Он ни на секунду не поверил в абсурдное утверждение Боба Шейна, что Штефан один из сообщников убитого. Штефан был не врагом, а их добровольным защитником и, без сомнения, не открыл им, кем он в действительности является.

Лора была вновь спасена. Но зачем?

Кокошка попытался разгадать, какую роль девочка может играть в планах предателя, но зашел в тупик. Он понимал, что расспросы девочки ничего не дадут: она слишком мала, чтобы ей доверили важную тайну. Причина ее спасения была для нее самой такой же загадкой, как и для Кокошки.

Он был уверен, что и отец ничего не знает. Именно девочка, а не отец, интересовала Штефана, поэтому Боба Шейна наверняка не посвятили в тайну личности и намерений Штефана.

В конце концов Кокошка подъехал к ближнему ресторану, пообедал, а затем, когда уже совсем стемнело, вернулся к магазину. Он поставил машину на боковой улочке в тени широкой кроны финиковой пальмы. В магазине было темно, но в окнах квартиры на втором этаже горел свет.

Из глубокого кармана плаща он извлек револьвер. Это был короткоствольный «кольт-агент» тридцать восьмого калибра, компактный, но мощный. Кокошка был равнодушен к оружию хорошей конструкции и работы, а этот револьвер был ему особенно по руке: это была сама Смерть в стальной оболочке.

Кокошка мог бы перерезать телефонные провода в доме Шейнов, тихо взломать дверь, убить девочку и отца и незаметно скрыться, прежде чем на выстрелы придет полиция. Он обладал талантом и склонностью к такого рода эскападам.

Но, если он убьет их, не зная, почему он их убивает, не понимая, какую роль они играют в планах Штефана, потом может обнаружиться, что их уничтожение было ошибкой. Прежде всего надо выяснить цели Штефана.

Он неохотно спрятал револьвер в карман.

3

В безветрии ночи дождь прямыми струями падал на город, и каждая капля была невероятно тяжелой. Дождь громко барабанил по крыше и переднему стеклу небольшого черного автомобиля.

В час ночи в этот вторник в конце марта улицы, поливаемые дождем и затопленные на некоторых перекрестках, были пустынными, за исключением военных машин. Штефан избрал

окружной путь до Института, чтобы избежать известных ему контрольно-пропускных пунктов, но боялся натолкнуться на вновь выставленные заставы. Его документы были в порядке, а недавно оформленное разрешение избавляло его от соблюдения нового комендантского часа. Тем не менее он не мог допустить обыска машины, где в чемодане на заднем сиденье были сложены медный провод, детонаторы и пластиковая взрывчатка, на которые у него не было официального разрешения.

От дыхания запотело стекло, дождь мешал разглядеть смутные очертания призрачных улиц, изношенные щетки плохо сгоняли воду, а затемненные фары ограничивали поле зрения, и он чуть не пропустил узкую мощенную камнем улочку, что была позади Института. Машина резко, с визгом шин, обогнула угол, и ее слегка занесло на скользких булыжниках.

Штефан остановился в темноте неподалеку от заднего входа, вышел из машины и взял чемодан с сиденья. Институт помещался в неприметном четырехэтажном кирпичном здании с толстыми решетками на окнах. На всем вокруг лежал мрачный отпечаток, хотя трудно было подозревать, что здание хранит секреты, которые в корне изменят мир. Металлическая дверь на скрытых укрепленных петлях была покрашена в черный цвет. Он нажал кнопку, услышал звонок внутри и, нервничая, стал ждать ответа.

На нем были резиновые сапоги и плащ с поднятым воротником, но он был без шляпы и зонта. Холодный дождь стекал по мокрым прилипшим волосам и проникал за шиворот.

Дрожа, он взглянул на узкую щель окна в стене рядом с дверью. Это была прорезь шириной пятнадцать и высотой тридцать сантиметров, закрытая зеркальным стеклом, прозрачным изнутри.

Он терпеливо слушал, как дождь стучит по крыше машины, хлещет по лужам и булькает, стекая ручьями в ближайший сток. С холодным бормотанием дождевые струи шевелили листья платанов у обочины.

Над дверью зажегся свет. Желтое сияние под цилиндрическим абажуром было сконцентрировано и направлено прямо вниз на него.

Штефан улыбнулся зеркальному окну и за ним дежурному, которого он не видел.

Свет наверху погас, лязгнули отпираемые засовы, и дверь распахнулась внутрь. Он знал дежурного: Виктор, как там его, тучный человек лет пятидесяти с коротко подстриженными седыми волосами и очками в металлической оправе, за грозным видом которого скрывался мягкий характер и который, подобно курице-наседке, пекся о здоровье друзей и знакомых.

- Позвольте спросить вас, господин Кригер, что вы делаете на улице в такой ливень?

- Мне не спится.

- Мерзкая погода. Да что же вы не входите! Вы можете простудиться.

- Я беспокоился, что не кончил работу, и решил закончить ее, раз не сплю.

- Вы загоните себя в могилу, честное слово.

Штефан вошел в проходную и, пока дежурный запирает дверь, лихорадочно искал в памяти какую-нибудь деталь из личной жизни Виктора.

- Судя по вашему виду, ваша жена по-прежнему готовит для вас вкусные запеканки из макарон, помните, вы мне рассказывали.

Виктор обернулся и, добродушно смеясь, похлопал себя по животу.

- Могу поклясться, она вошла в сговор с дьяволом, чтобы ввести меня в искушение, перво-наперво в грех обжорства. А что это у вас, господин Кригер? Чемодан? Вы переезжаете?

Вытирая с лица дождевые капли, Штефан ответил:

- Научные документы. Взял их домой пару недель назад, работал с ними по вечерам.

- Что, у вас совсем нет личной жизни?

- Раз в две недели я выкраиваю для себя двадцать минут.

Виктор неодобрительно пощелкал языком. Он подошел к столу, занимавшему треть тесной комнаты, взял трубку и позвонил второму ночному дежурному, который располагался в такой же проходной у главного входа в Институт. По правилам, когда кого-то впускали в здание в нерабочее время, дежурный всегда предупреждал коллегу на другой стороне, прежде всего чтобы избежать ложной тревоги и не застрелить ложного нарушителя. Роясь в карманах в поисках связки ключей, Штефан подошел ко второй, внутренней, двери; вода, стекая с его плаща, замочила истертую ковровую дорожку. Как и наружная дверь, эта тоже была стальной и со скрытыми петлями. Открыть ее можно было только двумя ключами одновременно: один находился у служащего, имевшего на то разрешение, а другой – у дежурного. Деятельность Института была столь необычной и секретной, что ночной дежурный не имел доступа в лаборатории и комнаты, где хранились документы.

Виктор положил трубку.

- Как долго вы здесь пробудете, господин Кригер?

- Часа два. Сегодня еще кто-нибудь работает?

- Никто. Вы единственный мученик. А мучеников мало кто ценит. Даю слово, вы себя уморите, а ради чего? Кто о вас вспомнит?

- Элиот написал: «Святые и мученики правят из могилы».

- Элиот? Он вроде бы поэт?

- Т. С. Элиот, да, он поэт.

- «Святые и мученики правят из могилы»? Что-то я о нем не слышал. Он не похож на признанного поэта. Смахивает на подрывной элемент. – Виктор добродушно расхохотался, его явно забавляло нелепое предположение, что его трудолюбивый друг может оказаться предателем.

Вместе они отперли внутреннюю дверь.

Штефан втащил чемодан со взрывчаткой в холл на первом этаже и зажег свет.

- Если у вас войдет в привычку работать по ночам, – сказал Виктор, – то я подкормлю вас пирогами, которые печет моя жена.

- Спасибо, Виктор, надеюсь, что это не станет привычкой.

Дежурный закрыл металлическую дверь. Автоматически щелкнул замок.

Оставшись один, Штефан не в первый раз возблагодарил небо за свою выигрышную наружность: светловолосый, с правильными чертами лица, голубоглазый. Именно поэтому он мог смело внести взрывчатку в Институт, не опасаясь обыска. В нем не было ничего темного, непонятного, подозрительного; он олицетворял идеал, особенно когда его лицо озаряла ангельская улыбка, и таким людям, как Виктор, которые слепо повиновались государству и кому сентиментальный патриотизм мешал разбираться в очень многих вещах, не приходило в голову сомневаться в его преданности родине, людям.

Он поднялся в лифте на третий этаж и направился прямо к себе в комнату, включил на столе лампу на высокой гибкой ножке. Сняв сапоги и плащ, он вытащил папку из шкафа и разложил ее содержимое на столе, чтобы создать полное впечатление, что он занят работой. Надо было сделать все возможное, чтобы отвести подозрение, на случай пусть даже маловероятного появления в середине ночи еще одного из сотрудников.

С чемоданом в одной руке и заранее приготовленным карманным фонарем в другой он, минуя четвертый этаж, поднялся по лестнице до самого чердака. Свет фонаря озарил толстые стропила с торчащими кое-где плохо забитыми гвоздями. И хотя на чердаке был настил из неструганых досок, его не использовали под склад, и он был пуст, за исключением серого слоя пыли и паутины. Под крутой, крытой черепицей крышей в центре чердака можно было выпрямиться во весь рост, а ближе к краю ему придется работать согнувшись и стоя на коленях.

Крыша была всего в нескольких сантиметрах, и ровный гул дождя напоминал рев моторов бесчисленных эскадрилий бомбардировщиков, идущих на бреющем полете. Это был пророческий образ, потому что Штефан верил, что этому городу уготована именно такая неотвратимая участь - разрушение.

Он открыл чемодан. Работая с быстротой и ловкостью специалиста-взрывника, он разместил пакеты пластиковой взрывчатки так, чтобы направить силу взрыва вверх и вниз. Взрыв должен был не просто снести крышу, но и разрушить средние этажи, чтобы тяжелая черепица и крыша рухнули вниз, сметая все на своем пути. Он спрятал пластиковые заряды между стропилами и в углах чердака и даже приподнял несколько половых досок и засунул под них взрывчатку.

Снаружи буря на мгновение стихла. Но скоро новые зловещие раскаты грома раскололи ночь, и дождь хлынул с еще большей силой. Задул долгожданный ветер, завывая и голося в водостоках и под карнизами; странный заунывный голос, казалось, угрожал городу и одновременно оплакивал его. Заледенев на холодном чердаке, Штефан делал свою тонкую работу дрожащими руками. И, несмотря на дрожь, его внезапно бросило в пот.

Он вставил детонатор в каждый заряд и протянул провода от всех зарядов в один из углов чердака. Он присоединил их к одному общему медному проводу и опустил его в вентиляционный колодец, который шел вниз до самого подвала.

Заряды и провода были спрятаны достаточно надежно, их нельзя было обнаружить поверхностным взглядом, только открыв дверь на чердак. Но при более внимательном осмотре или использовании чердака под склад провода и пластик были бы, конечно, обнаружены.

Нужно было, чтобы в течение двадцати четырех часов никто не входил на чердак. Это представлялось не такой уж невыполнимой задачей, поскольку он был единственным

человеком в Институте, посетившим чердак за многие месяцы.

Завтра ночью он привезет сюда второй чемодан и установит заряды в подвале. Два взрыва, сверху и снизу, сокрушат здание, и это единственный путь превратить его, вместе с содержимым, в груды обломков камня и кусков искореженного железа. После взрыва, а за ним пожара тут не останется никаких документов, чтобы продолжить опасные исследования. Большое количество взрывчатки, как бы продуманно он ни обработал и ни разместил ее, повредит дома вокруг Института, и он опасался, что при взрыве погибнут ни в чем не повинные люди. Но другого выхода не было. Он не решился уменьшить количество взрывчатки, оно было необходимо для полного уничтожения всех документов и их копий, иначе работу можно будет быстро возобновить. Этому проекту следовало немедленно положить конец, от этого зависела судьба всего человечества. А ему придется взять на душу гибель невинных людей.

За два часа, около трех утра, он закончил работу на чердаке.

Он вернулся в свою комнату на третьем этаже и некоторое время сидел за столом. Он не мог уйти, пока не высохнут его влажные от пота волосы и он не уймет наконец дрожь; все это могло вызвать подозрение Виктора.

Он закрыл глаза. Представил лицо Лоры. Мысль о ней всегда его успокаивала. Сам факт ее существования умиротворял и поддерживал его.

4

Друзья Боба Шейна не хотели, чтобы Лора присутствовала на похоронах своего отца. Они считали, что для двенадцатилетней девочки это будет суровым испытанием. Однако Лора настаивала, она хотела во что бы то ни стало в последний раз попрощаться с отцом, и тут никто не мог ее остановить.

Четверг двадцать четвертого июля 1967 года был самым ужасным днем в ее жизни, более печальным, чем вторник, когда умер отец. Безразличие, вызванное шоком, постепенно исчезло, и Лора, пробуждаясь к жизни, с трудом сдерживала и контролировала свои чувства. Она начала понимать, как много потеряла.

Она выбрала в своем гардеробе синее платье, потому что у нее не было черного. Она надела черные туфли и синие носки, она беспокоилась насчет носков, потому что они казались ей детскими, несерьезными. Но она никогда прежде не носила нейлоновых чулок и не решилась впервые надеть их на похороны. Она знала, что отец будет смотреть на нее сверху с небес во время службы, и хотела быть такой, какой он привык ее видеть. Ему было бы стыдно за нее, надень она прозрачные нейлоновые чулки: неуклюжий подросток, который старается походить на взрослую девушку.

В зале при похоронном бюро, где проходила заупокойная служба, она сидела в первом ряду между Корой Ланс, хозяйкой дамской парикмахерской неподалеку от бакалейной лавки Шейна, и Анитой Пассадополис, которая вместе с Бобом занималась благотворительностью от пресвитерианской церкви Св. Андрея. Им обеим было под шестьдесят, и, как добрые бабушки, они старались поддержать Лору, ласково прикасаясь к ней и бросая на нее озабоченные взгляды.

Они напрасно беспокоились. Она не собиралась плакать, кричать и рвать на себе волосы. Она понимала, что такое смерть. Это удел каждого. Смертны все без исключения: люди, животные,

птицы, растения. Даже древние секвойи и те в конце концов умирают, хотя они и прожили двадцать или тридцать человеческих жизней, что казалось несправедливым. С другой стороны, прожить тысячу лет деревом куда скучнее, чем сорок-пятьдесят лет счастливым человеком. Отцу было всего сорок два, когда у него остановилось сердце от внезапного приступа, что, конечно, было очень рано. Но так уж устроен мир: слезами горю не поможешь. Лора гордилась своей рассудительностью.

Кроме того, смерть не означала конца человеческого существования. Наоборот, смерть была только его началом. За нею следовала другая, лучшая жизнь. Лора верила в это, потому что так сказал ей отец, а отец всегда говорил правду. Отец был самым правдивым человеком и таким добрым, мягким.

Когда пастор подошел к кафедре рядом с гробом, Кора Ланс склонилась к Лоре:

- Как ты себя чувствуешь, дорогая?

- Я? Хорошо, - ответила она, отводя взгляд. Ей не хватало сил, чтобы смотреть кому-нибудь в глаза, поэтому она сосредоточенно изучала окружавшие ее предметы.

Она впервые была в похоронном бюро, и ей здесь не нравилось. Ноги вязли в чересчур пушистом бордовом ковре. Занавеси и обивка были тоже бордовыми, с узенькой золотой отделкой, а лампы венчали бордовые абажуры; невольно казалось, что декоратор помешался на этом цвете, что это был его фетиш.

«Фетиш» было новое слово для Лоры. Она слишком часто его употребляла, как всегда, к месту и не к месту она употребляла все новые слова, но тут оно было кстати.

Недавно, когда она впервые узнала чудесное словечко «секвестровать» в смысле «лишать» или «изолировать», она использовала его при каждой возможности, пока отец не стал поддразнивать ее: «Как поживает сегодня моя секвестрованная Лора?» или «Картофельные чипсы быстро раскупают, надо разместить их поближе к кассе, а то в этом углу они вроде секвестрованы». Ему нравилось смешить ее сказками о жабе сэре Томми, британском подданном и земноводном, которого он выдумал, когда ей было восемь лет, и чью смешную биографию он чуть ли не каждый день украшал новыми подробностями. В некотором отношении отец был большим ребенком, чем сама Лора, и она обожала его за это.

У нее задрожала губа. Она ее прикусила. Изю всех сил. Если она расплатится, значит, она не верит в то, что отец всегда говорил ей о загробной, лучшей, чем эта, жизни. Если она расплатится, значит, он умер, умер окончательно и навсегда, *finita*.

Ей хотелось, чтобы ее подвергли секвестрации в ее комнате над лавкой, чтобы она лежала в кровати, натянув на голову одеяло. Ей понравилась мысль, что слово «секвестрация» может стать ее «фетишем».

Из похоронного бюро они направились на кладбище. Кладбище было без памятников. Бронзовые дощечки на низких мраморных основаниях, установленные на одном уровне с землей, отмечали могилы. Зеленые лужайки на холмах, затененные огромными индейскими лаврами и невысокими магнолиями, можно было спутать с парком, местом игр, смеха и радости, если бы не открытая могила, над которой уже был подвешен гроб Боба Шейна.

Прошлой ночью Лора дважды просыпалась от раскатов отдаленного грома, и в полусне ей

чудилась вспыхивающая за окном молния; но если в ночной тьме и разразилась гроза не по сезону, то теперь от нее не осталось и следа.

Безоблачное небо сияло голубизной.

Лора стояла между Корой и Анитой, которые ее обнимали и шептали слова утешения, но ни их слова, ни их жесты не согревали Лору. Холодная тоска росла в ее груди с каждым словом заупокойной молитвы, и ей казалось, что она стоит, продрогнув на ледяном ветру, а не в тени деревьев в жаркое безветренное июльское утро.

Представитель похоронной службы включил мотор лебедки. Гроб с телом Боба Шейна начал медленно опускаться в могилу.

Не в силах следить за медленным движением гроба, чувствуя, что у нее перехватило горло, Лора отвернулась, вырвалась из заботливых объятий добровольных бабушек и пошла в глубь кладбища. Она была холоднее мрамора; она не могла больше оставаться в прохладной тени. Она замедлила шаги, почувствовав на лице теплые лучи солнца, но и они не согревали ее.

Она остановилась на склоне пологого холма и с минуту смотрела вниз, прежде чем заметила человека вдали, на другом конце кладбища, на краю лавровой рощи. На нем были светло-коричневые брюки и белая рубашка, которая, казалось, слабо светилась в тени деревьев, как если бы он был привидением, променявшим свой ночной приют на яркое сияние дня. Он наблюдал за ней и другими участниками похорон у могилы Боба Шейна. Лора не могла разглядеть его лица, но определила, что он высокий, крепкий, светловолосый... и очень ей знакомый.

Она заинтересовалась им, хотя не могла объяснить почему. Словно зачарованная, она спустилась вниз по склону, пробираясь между могилами. Чем ближе она подходила к светловолосому человеку, тем более знакомым он ей казался. Сначала он не реагировал на ее приближение, но она чувствовала, что он напряженно ее разглядывает; ощущала на себе тяжесть его взгляда.

Кора и Анита звали ее, но она не обращала на них внимания. В непонятном волнении она ускорила шаги, и теперь не более тридцати футов отделяли ее от незнакомца.

Человек отступил в призрачную тень под деревьями. Опасаясь, что он ускользнет от нее, прежде чем она хорошенько его рассмотрит, – хотя непонятно, почему ей это было важно, – Лора побежала бегом. Подошвы ее новых черных туфель скользили по траве, и несколько раз она чуть не упала. Трава в том месте, где он стоял, была примята; значит, он не был привидением.

Лора заметила легкое движение среди деревьев, белое пятно его рубашки. Она поспешила за ним. Редкая бледная трава росла в тени лавров, куда не проникали лучи солнца. Корни деревьев выступали из-под земли, обманчивые тени уводили в сторону. Она споткнулась и, чтобы не упасть, ухватилась за ствол дерева, удержалась на ногах, посмотрела по сторонам и обнаружила, что человек исчез.

В роще росло не менее сотни деревьев. Их ветви густо переплелись, и солнечные лучи тонкими золотыми нитями пробивались сквозь чащу, словно неведомая пряжа распускала небесную материю. Вглядываясь в темноту, Лора пробиралась вперед. Много раз ей казалось, что она его настигла, но всякий раз ее обманывало движение ветвей, игра света и собственное воображение. Подул ветерок, в шуме листьев ей почудились крадущиеся шаги, и она побежала

на этот звук, уведивший ее все дальше и дальше.

Через несколько минут она вышла из рощи на дорогу, которая пересекала другую часть обширного кладбища. На обочине, блестя на солнце, стояли автомобили, а неподалеку группа людей у другой могилы слушала заупокойную службу.

Тяжело дыша, Лора остановилась у дороги, недоумевая, куда исчез человек в белой рубашке и какая сила увлекла ее в погоню за ним.

Солнце по-прежнему обжигало все вокруг, ветерок, не успев разыгаться, прекратился, полная тишина вновь опустилась на кладбище – Лора ощутила беспокойство. Лучи солнца, казалось, струились сквозь нее, как если бы она была прозрачной, и она чувствовала себя удивительно легкой, почти невесомой, и в то же время испытывала головокружение: она была словно во сне и парила над странным пейзажем.

«Сейчас я упаду в обморок», – подумала она.

Она оперлась о крыло стоявшей машины, сжала зубы, стараясь сохранить сознание.

И хотя ей было всего двенадцать, она редко мыслила или действовала как ребенок, да она никогда и не считала себя ребенком до того момента на кладбище, когда вдруг почувствовала себя совсем маленькой, слабой и беспомощной.

Коричневый «Форд» неторопливо ехал по дороге и замедлил движение, приближаясь к ней. За рулем сидел человек в белой рубашке.

И тут она вспомнила, почему он казался ей таким знакомым. Налет четыре года тому назад. Ее ангел-хранитель. Она никогда не забудет его лицо, хотя тогда ей было всего восемь лет.

Он почти остановил машину и еле двигался, не спуская с нее взгляда. Их разделяло всего несколько футов.

Через открытое окно автомобиля можно было рассмотреть каждую черточку его красивого лица, запомнившегося ей в тот страшный день, когда впервые увидела его в магазине. Его ярко-голубые глаза сохранили всю свою притягательность. Их взгляды встретились, она вздрогнула.

Он хранил молчание и без улыбки, напряженно рассматривал ее, как бы стремясь сохранить в памяти каждую черточку. Он смотрел на нее, как человек, пересекающий пустыню, смотрит на родник прохладной воды. Его молчание и упорный взгляд пугали Лору, но в то же время наполняли душу непонятным спокойствием.

Машина проезжала мимо. Она закричала:

– Остановитесь!

Обретя новые силы, она бросилась за «Фордом». Незнакомец нажал на газ, и «Форд» выскочил за ворота кладбища, оставив ее в одиночестве под палящим солнцем, пока сзади она не услышала мужской голос:

– Это ты, Лора?

Она обернулась, но сначала никого не увидела. Голос опять позвал ее по имени, очень

негромко, и неподалеку, в глубокой фиолетовой тени индейских лавров, она заметила мужчину. Он был в черных брюках и рубашке, абсолютно неуместных в этот солнечный день.

Озадаченная, влекомая любопытством, Лора направилась к человеку; она спрашивала себя, не связан ли он каким-то образом с ее ангелом-хранителем. Она была уже совсем рядом, когда вдруг поняла, что черная одежда была не единственной причиной его дисгармонии с теплым безоблачным летним днем: он дышал зимней стужей, холод исходил от него самого, словно он был создан для жизни за Полярным кругом или в ледяных пещерах высоких заснеженных гор.

Она остановилась в двух шагах от него.

Он больше ничего не говорил, но смотрел на нее с любопытством.

Она заметила шрам на его левой щеке.

- Почему именно ты? - спросил ледяной человек и двинулся вперед, протягивая к ней руки.

Лора, спотыкаясь, отступила назад, крик застрял у нее в горле.

Кора Ланс позвала из роши:

- Лора! Где ты, Лора?

Голос Кору спугнул незнакомца, он повернул назад и стал углубляться в заросли лавров, а его облаченная в черное фигура слилась с тенями, будто он был не человеком, а порождением мрака, которое на миг обрело жизнь.

Через пять дней после похорон, во вторник двадцать девятого июля, Лора вернулась в свою комнату над бакалейной лавкой. Она укладывала вещи и прощалась с местом, которое всю жизнь, сколько она себя помнила, было ее домом.

Присев отдохнуть на край смятой постели, она вспоминала, какой спокойной и счастливой она была в этой комнате всего несколько дней назад. Множество книг в мягких обложках, большинство о собаках и лошадях, стояло на полке в углу комнаты. Пятьдесят стеклянных, медных, фарфоровых и оловянных фигурок собак и кошек разместились на полках над изголовьем кровати.

У нее не было домашних животных, потому что санитарные правила запрещали держать животных в квартире над продовольственным магазином. Она мечтала когда-нибудь завести собаку, а может быть, даже лошадь. Но больше всего она мечтала стать ветеринаром и лечить больных и раненых животных.

Отец говорил ей, что она может стать кем угодно: ветеринаром, адвокатом и даже кинозвездой.

- Ты можешь стать погонщиком оленей или танцовщицей на проволоке. Выбирай что хочешь.

Лора улыбнулась, вспоминая, как отец изображал танцовщицу. Но она также вспомнила, что его больше нет, и ее сердце сжалось от страшного одиночества.

Она вытащила все вещи из стенного шкафа, аккуратно сложила одежду и наполнила два вместительных чемодана. В сундук она сложила любимые книги, игры и игрушечного медведя.

Кора и Том Ланс составляли опись вещей в небольшой квартире и товаров в бакалейной лавке. Лора должна была переехать к ним, хотя еще не было решено, постоянно или временно.

Она нервничала и беспокоилась при мысли о своем неопределенном будущем, но продолжала собирать вещи. Она открыла ящик ночного столика и застыла на месте при виде миниатюрных сапог, крошечного зонтика и кукольного шарфа, которые приобрел отец как доказательство, что сэр Томми действительно снимает у них квартиру.

Он упросил своего друга, умелого сапожника, сшить просторные и по ноге сапоги для перепончатых лап. Он купил зонтик в магазине, торгующем миниатюрными игрушками, а клетчатый зеленый шарф с аккуратной бахромой на концах старательно сделал сам. Когда она вернулась домой из школы в день своего девятилетия, сапоги и зонтик стояли в прихожей у двери, а шарф висел на вешалке.

- Тише, тише, - прошептал отец, прикладывая палец к губам, - сэр Томми только что вернулся из тяжелого путешествия в Эквадор по поручению Королевы - у нее там алмазные копи - и очень устал. Наверное, будет спать *целыми днями*. Наверное, его теперь *не добудишься*. Но он тебя не забыл, сказал, чтобы я пожелал тебе счастливого дня рождения, и даже подарок оставил во дворе. - Подарком оказался новый велосипед марки «Швинн».

Теперь, глядя на эти три предмета, Лора поняла, что умер не только отец. Вместе с ним ушли сэр Томми и многие другие вымышленные персонажи и смешные занимательные выдумки, которыми он ее развлекал. Широкие сапоги, крошечный зонтик и кукольный шарф выглядели так трогательно, что она была готова поверить, что сэр Томми действительно существовал и что теперь он ушел в свой собственный лучший мир. Страдальческий стон вырвался у нее из груди. Она упала на кровать и зарылась лицом в подушку, заглушая громкие всхлипывания: впервые после смерти отца она дала волю своему горю.

Она не хотела жить без отца, но должна была не только жить, но жить достойно, потому что каждый ее день будет продолжением его жизни. И хотя она была совсем юной, сознавала, что если она останется добрым, порядочным человеком и будет вести честную жизнь, то частица отца будет жить вместе с нею.

Лора понимала, как трудно обрести счастье и смотреть на будущее с оптимизмом. Теперь она знала, как много в жизни внезапных трагедий и перемен. Жизнь может быть то безоблачной и радостной, то вдруг холодной и полной невзгод, и не угадать, когда судьба нанесет удар любимому человеку. Ничто не вечно. А жизнь словно свеча на ветру. Это был тяжелый урок для девочки ее возраста, и она чувствовала себя старой, умудренной.

Когда поток теплых слез иссяк, она собралась с силами, ей не хотелось, чтобы Кора и Том заметили, что она плакала. Если мир вокруг суров, жесток и непредсказуем, то нельзя проявлять ни малейшей слабости.

Лора бережно завернула сапоги, зонтик и шарф в тонкую бумагу и спрятала пакет в сундук.

Разобрав содержимое двух ночных столиков по бокам кровати, она занялась письменным столом и обнаружила на сукне сложенный лист из блокнота с посланием для нее, написанным ясными, красивыми, почти печатными буквами.

«Дорогая Лора!

Некоторые вещи в жизни предопределены судьбой, и никто не в силах их предотвратить. Даже твой собственный ангел-хранитель. Будь довольна тем, что твой отец любил тебя всей душой и всем своим сердцем, что редко выпадает на долю большинства людей. И хотя ты считаешь, что никогда больше не узнаешь счастья, ты ошибаешься. Придет время, и счастье вернется к тебе. И это не пустое обещание. Это факт».

Записка была без подписи, но Лора знала, кто ее написал: тот человек на кладбище, который разглядывал ее из проезжавшей машины и который много лет назад спас ее с отцом от пули убийцы. Никто другой не мог называть себя ее личным хранителем. Она вздрогнула, но не от страха, а потому что необычность и загадочность ее хранителя вызывали в ней изумление и любопытство.

Она поспешила к окну спальни и отдернула прозрачную занавеску между тяжелыми портьерами, уверенная, что увидит его у магазина внизу, но там никого не было.

Не было там и человека в черной одежде, но она и не ожидала его увидеть. Она почти убедила себя, что второй незнакомец никак не связан с ее хранителем, что другая причина заставила его явиться на кладбище. Тем не менее он знал ее имя... Но, может быть, он слышал, как Кора звала ее со склона холма. Она постаралась выбросить его из головы, потому что не хотела, чтобы он вошел в ее жизнь, как она того страстно желала в отношении ангела-хранителя.

Она снова перечитала послание.

Хотя она не понимала, кто этот светловолосый человек и почему он ею заинтересовался, записка успокоила Лору. Совсем необязательно понимать, достаточно *верить*.

5

На следующую ночь после того, как он разместил взрывчатку на чердаке Института, Штефан, ссылаясь на бессонницу, вновь явился с тем же чемоданом. В ожидании полночного визита Виктор принес ему в подарок половину пирога, испеченного его женой.

Штефан откусывал от пирога по кусочку, пока прятал взрывчатку. Огромный подвал был разделен на две половины, и, не в пример чердаку, в нем ежедневно бывали служащие Института. Нужно было изрядно потрудиться, чтобы надежно укрыть заряды и провода.

В одной половине находились шкафы с научными документами и результатами исследований и два длинных дубовых рабочих стола. Шкафы высотой в два метра стояли вдоль двух стен. Он спрятал взрывчатку на шкафах, задвинув поближе к стене, где даже самый высокий из сотрудников не мог ее заметить. Он протянул провода за шкафами, хотя ему пришлось пробить небольшое отверстие в стене, чтобы провести детонационный провод в другую комнату. Он сделал это в незаметном месте, так что была видна лишь его небольшая часть.

Вторая комната служила для хранения канцелярских и лабораторных принадлежностей, в ней также стояли клетки, в которых держали животных: хомяков, белых крыс, двух собак и весьма подвижную обезьяну, которую использовали в первых научных экспериментах и которая осталась жива. Хотя животные были уже не нужны, их держали, чтобы выяснить, не проявятся ли у них с течением времени непредвиденные осложнения в результате проведенных на них необычных опытов.

Штефан прилепил мощные заряды в пустых проемах за сложенными коробками и протянул все провода к решетке вентиляционного колодца, в который он прошлой ночью спустил провода с

чердака; работая, он чувствовал на себе напряженное внимание животных, словно они догадывались, что им осталось жить всего двадцать четыре часа. Он покраснел от сознания вины, чего, как ни странно, не случилось с ним, когда он планировал гибель сотрудников Института, возможно, потому, что животные были невинными тварями, а этого нельзя было сказать о людях.

К четырем часам утра Штефан закончил подготовку взрыва в подвале и свою работу в бюро на третьем этаже. Перед уходом он зашел в главную лабораторию на первом этаже и с минуту созерцал Ворота.

Самое главное, Ворота.

Множество шкал, манометров и экранов светились мягким оранжевым, желтым и зеленым светом, так как электропитание никогда не отключалось от узла управления. Сами цилиндрические Ворота, длиной в три с половиной и диаметром в два с половиной метра, еле виднелись в полумраке, лишь освещенные приборы бросали неясные блики на их внешнюю полированную стальную облицовку.

Он пользовался Воротами множество раз, но все еще испытывал перед ними страх; не столько потому, что они олицетворяли выдающееся научное открытие, сколько потому, что их потенциальные возможности нанести вред были безграничными.

В руках опасных людей это были настоящие Врата Ада.

Поблагодарив Виктора за пирог и объявив, что он съел все до крошки – на самом деле он большую часть скормил животным, – Штефан вернулся к себе домой.

Вторую ночь подряд бушевала буря. Северо-восточный ветер нес с собой дождь. Вода вырывалась из водосточных труб и, пенясь, исчезала в стоках, водопадами обрушивалась с крыш, образовывала озера на улицах и переполняла канавы, и оттого, что город лежал почти в полной тьме, потоки и лужи казались маслянисто-тяжелыми, как нефть. На улицах встречались редкие военные патрули; в своих черных блестящих плащах они казались загадочными существами, которые сошли со страниц старого готического романа Брэма Стокера.

Штефан проехал напрямик домой, не объезжая известные ему контрольно-пропускные пункты. Документы у него были в порядке, он совсем недавно получил новое разрешение на передвижение во время комендантского часа, к тому же с ним не было нелегально добытой взрывчатки.

Дома он поставил будильник у кровати и мгновенно заснул. Он действительно нуждался в отдыхе, так как днем ему предстояли две трудные поездки и стрельба, много стрельбы. А без ясной головы легко самому получить пулю.

Ему приснилась Лора, и он счел это добрым предзнаменованием.

Глава 2

Неугасающее пламя

1

Судьба Лоры Шейн с двенадцати до семнадцати лет была подобна судьбе перекасти-поля под

ветром калифорнийской пустыни: то оно задержится на короткий отдых в минуты затишья, то снова помчится, когда буря сорвет его с места.

У нее не было родственников, и она не могла жить у лучших друзей отца Тома и Коре Ланс. Тому было шестьдесят два, а Коре пятьдесят семь, хотя они жили вместе уже тридцать пять лет, у них не было детей, и они не решались взять на себя ответственность за воспитание молодой девушки.

Лора их понимала и не сердилась. В тот августовский день, когда она покидала дом Лансов в сопровождении сотрудницы Общества попечения о детях округа Оранж, она расцеловала Кору и Тома и объявила, что все будет в порядке. Она весело махала Коре и Тому из машины в надежде, что для них ее отъезд будет «абсолюцией».

«Абсолюция» – это слово недавно пополнило ее словарь. Абсолюция – это освобождение от ответственности, это прощение грехов, это освобождение от обязательств. Она хотела получить абсолюцию от обязательства пробивать себе дорогу в этом мире без помощи любящего отца, абсолюцию от обязанности жить дальше во имя его памяти.

Из дома Лансов ее привезли в детский приют Макилрой, который оказался старым хаотичным особняком в двадцать семь комнат, построенным сельскохозяйственным магнатом в дни процветания этой отрасли в округе Оранж. Позже здесь устроили общежитие для взятых под опеку детей, где они временно находились до отправки в приемную семью.

Это учреждение мало походило на те, что описывают в книгах. Начать с того, что здесь не было добрых монахинь в длинных черных одеждах.

И потом, здесь был Вилли Шинер.

Лора впервые заметила его вскоре после приезда в приют, когда социальный работник миссис Боумен повела ее в комнату, где ей предстояло жить с сестрами-близнецами Аккерсон и девочкой по имени Тамми. Шинер подметал кафельный пол коридора.

Это был крепкий жилистый мужчина лет тридцати, с бледным веснушчатым лицом, зелеными глазами и ярко-рыжей, как медь, шевелюрой. Работая, он улыбался и насвистывал.

- Как поживаете, миссис Боумен?

- Прекрасно, Вилли, прекрасно. - Миссис Боумен явно симпатизировала Шинеру. - Это Лора Шейн, наша новая воспитанница. Лора, это мистер Шинер.

От взгляда Шинера у Лоры пошли мурашки по коже. Когда он наконец заговорил, то произнес охрипшим голосом и запинаясь:

- Кхе-кхе... Добро пожаловать в наш приют.

Следуя за миссис Боумен, Лора оглянулась назад на Шинера. Без свидетелей Шинер положил руку на ширинку и демонстративно почесался.

Лора больше не оглядывалась.

Позже, когда она раскладывала свои жалкие пожитки, стараясь придать уют своей четвертушке комнаты, она, обернувшись, вдруг увидела на пороге Шинера. Она была одна, все

другие дети играли во дворе или в комнате для игр. Хищная, злобная улыбка на его лице сильно отличалась от той, какой он одарил миссис Боумен. В свете, падавшем из небольшого окна, его зеленые глаза стали грязно-серыми, будто затянутые катарактой глаза покойника.

Слова застряли у Лоры в горле. Она пятилась, пока не наткнулась на стену рядом с кроватью.

Шинер стоял неподвижно, опустив руки по швам, сжав кулаки.

В приюте не было кондиционеров. Несмотря на распахнутые окна, в комнате стояла тропическая жара. Но Лора не ощущала духоты, пока не увидела Шинера. Теперь майка на ней взмокла от пота.

За окнами раздавались смех и крики играющих детей. Они были рядом, но звуки долетали до Лоры как бы издалека. Тяжелое равномерное дыхание Шинера становилось все громче, постепенно заглушая детские голоса.

Они долго стояли молча и неподвижно. Потом он резко повернулся и вышел из комнаты.

Вся в поту, Лора подошла к кровати и села на край: у нее подкашивались ноги. Изношенная сетка провисла, заскрипели пружины.

Постепенно сердце перестало бешено колотиться в груди, Лора оглядела свое новое мрачное жилище и ужаснулась. По четырем углам комнаты стояли узкие железные кровати, покрытые изношенными до дыр покрывалами, с бесформенными плоскими подушками в изголовье. У каждой кровати размещалась исцарапанная, с пластиковым верхом тумбочка, а на каждой тумбочке лампа с железным абажуром. Лоре принадлежали два из восьми ящиков в старом комод. Она также могла распоряжаться половиной одного из двух стенных шкафов. Изодранные полинявшие занавески бесформенными засаленными тряпками свисали с ржавых карнизов. Весь дом дышал плесенью и запустением; сам воздух в нем пах чем-то неуловимо неприятным, а по комнатам и коридорам бродил Вилли Шинер, словно злой дух в ожидании полнолуния и кровавого шабаша с его участием.

В тот вечер после ужина близнецы Аккерсон закрыли дверь и пригласили Лору сесть вместе с ними в кружок на потертом коричневом ковре, чтобы поделиться секретами.

Четвертая соседка по комнате – странная, тихая, как мышка, хрупкая блондинка по имени Тамми – не присоединилась к ним. Положив за спину подушку, она сидя читала в кровати и непрерывно грызла ногти.

Лоре с первого взгляда понравились Тельма и Рут Аккерсон. Им недавно исполнилось двенадцать, и они были немного младше Лоры, но казались старше своего возраста. Они остались сиротами в девять лет и жили в приюте уже почти три года. Найти приемных родителей для детей их возраста было трудно, особенно для близнецов, которые не хотели расставаться.

Их никак нельзя было назвать хорошенькими, и они были удивительно схожи в своей некрасивости: каштановые волосы без блеска, близорукие карие глаза, широкие лица, грубоватые черты, большие рты. И хотя им не хватало красоты, они возмещали это своим острым умом, энергией и добрым характером.

Рут была в голубой пижаме с темно-зеленой отделкой на рукавах и воротнике и в голубых домашних туфлях, а волосы собраны в лошадиный хвост. Тельма была одета в ярко-красную

пижаму и пушистые желтые тапочки, на каждой туфле по две пуговицы, как два глаза, а волосы распущены по плечам.

С наступлением вечера невыносимая дневная жара спала. До океана было всего десять миль, и легкий бриз приносил прохладу для ночного отдыха. Его слабое свежее дуновение шевелило старые занавески и проникало в комнату.

- Летом здесь скучно, - объявила Рут, когда они уселись в кружок на полу. - Нам запрещено уходить с участка, а он маленький. И еще летом все наши благодетели заняты своим собственным отдыхом, ездят на пляж купаться и не вспоминают о нас.

- Вот Рождество - это другое дело, - сказала Тельма.

- Весь ноябрь и декабрь - это просто чудо, - сказала Рут.

- Верно, - подтвердила Тельма. - Праздники - хорошее время, благодетели вспоминают, что у них всего навалом, а мы, бедные, нищие, бездомные сиротки, носим пальто на рыбьем меху, туфли на картонной подошве и питаемся вчерашней кашей. Вот тогда они присылают кучу всяких вкусных вещей, водят в магазины за покупками и в кино, правда, всегда на *дрянные* фильмы.

- Не такие уж и дрянные, - поправила Рут.

- Знаешь, такие фильмы, где никто никогда не напивается. Ну а чтобы там какие-нибудь *чувства*, так это ни-ни. И чтобы какой-нибудь тип лапал девушку, это тоже исключено. Семейные фильмы. Да от них сдохнешь.

- Не обращай внимания на мою сестру, - посоветовала Рут. - Она воображает, что находится в периоде полового созревания.

- *Так оно и есть!* Меня душит желание! - Тельма худенькой рукой схватилась за горло, показывая, как оно ее душит.

Рут продолжала:

- Отсутствие родительского надзора тяжело сказалось на ней. Она до сих пор не свыклась со своим положением сироты.

- Не обращай внимания на *мою* сестру, - посоветовала на этот раз Тельма. - Она решила пропустить период половой зрелости и прямо из девочки превратиться в старуху.

Лора спросила:

- А кто такой Вилли Шинер?

Близнецы Аккерсон обменялись понимающими взглядами и хором без промедления дали ему характеристику.

- У него не все дома, - сказала Рут, а Тельма добавила:

- Это подонок.

- Его надо лечить, - сказала Рут, а Тельма добавила:

- Его надо пару раз хорошенько огреть по голове палкой и еще добавить, а потом навсегда запереть в психушку.

Лора поведала им о посещении Шинера.

- И он ничего не сказал? - спросила Рут. - Странно. Обычно он говорит: «Какая ты хорошенькая маленькая девочка» или...

- Или угощает конфетами. - Тельма скорчила гримасу. - *Представляешь* себе? Конфеты! У него нет ни капли воображения! Можно подумать, что этот гад учится на брошюрках, которые раздает детям полиция, чтобы предупредить об извращениях.

- Нет, конфет не предлагал. - Лора вздрогнула, вспомнив вдруг изменившийся цвет глаз Шинера и его тяжелое равномерное дыхание.

Тельма наклонилась вперед и театральным шепотом спросила:

- Похоже, что Бледный Угорь проглотил язык, так зажегся, что *позабыл* свой репертуар. Может, у него к тебе особая страсть?

- Бледный Угорь?

- Вот именно, - подтвердила Рут. - А для краткости просто Угорь.

- Это прозвище ему подходит, он такой бледный и скользкий, - сказала Тельма. - Могу поклясться, у него к тебе особая страсть. Знаешь, девочка, ты просто *обалденная*.

- Ты ошибаешься, - сказала Лора.

- Не прикидывайся, - отрезала Рут. - Посмотри, какие у тебя волосы, а глазищи...

Лора покраснела и хотела было запротестовать, но вмешалась Тельма:

- Послушай, Шейн, блестящий дуэт сестер Аккерсон в составе Рут и Тельмы не страдает ложной скромностью, но и не терпит хвастовства. Мы режем правду в лицо. Мы знаем свои *достоинства* и гордимся ими. Мы знаем, что нам не выиграть титул «Мисс Америка», но мы умные, и даже очень, мы этого не отрицаем. А ты *потрясающая*, и нечего притворяться.

- Моя сестра иногда слишком прямолинейна и чересчур красочна в своих выражениях, - извинилась Рут.

- А *моя* сестра, - продолжала Тельма, - пробует на роль Мелани в «Унесенных ветром». - Она заговорила с преувеличенным южным акцентом и наигранным сочувствием: - Скарлетт у нас добрая. Говорю вам, Скарлетт очень хорошая. Ретт в душе тоже хороший человек, и солдаты-янки тоже хорошие, даже те, что разграбили Тару, сожгли урожай на полях и сшили сапоги из кожи наших младенцев.

Лора не могла удержаться от смеха.

- Так что брось прикидываться скромницей, Шейн! Ты потрясающая, и все тут.

- Ладно, ладно. Я знаю, что я... хорошенькая.

- Шутишь. Бледный Угорь свихнулся, когда тебя увидел.
- Верно, - поддержала Рут, - ты его просто ошарашила. Он даже позабыл о конфетах.
- Подумаешь, конфеты! - подхватила Тельма. - Пакетики леденцов, шоколадки!
- Ты, Лора, будь поосторожней, - предупредила Рут. - Он больной человек...
- Он ублюдок! - крикнула Тельма. - Помойная крыса!
- Он не такой уж плохой, - тихо сказала Тамми из своего угла.

Белокурая девочка была такой молчаливой, застенчивой и неприметной, что Лора забыла о ее присутствии. Лора увидела, что Тамми отложила в сторону книгу и сидит на постели, подтянув к груди худые коленки и обхватив их руками. Ей было десять, она была на два года младше остальных и маленькой для своего возраста. В белой ночной рубашке и носках она казалась привидением.

- Он и пальцем никого не тронет, - продолжала она неуверенным, дрожащим голосом, как будто высказывать мнение о Шинере было так же опасно, как идти по проволоке без страхующей сетки внизу.
- Еще как *тронет*, да только боится, - сказала Рут.
- Он просто... - Тамми кусала губы. - Он просто... одинокий человек.
- Нет, милочка, - отозвалась Тельма, - он совсем не одинокий. Он такой самовлюбленный, что ему достаточно своего общества.

Тамми отвернулась. Поднялась, сунула ноги в разношенные тапочки и пробормотала:

- Скоро отбой.

Она взяла с тумбочки косметичку, шаркая, вышла из комнаты и, затворив дверь, направилась к умывальной в конце коридора.

- Тамми берет конфеты, - пояснила Рут.

Волна отвращения захлестнула Лору.

- Неправда.
- Нет, правда, - сказала Тельма. - И не потому, что ей хочется сладкого. Она... она запуталась. Ей нужна опора, пусть даже это Угорь.
- Но почему? - настаивала Лора.

Рут и Тельма вновь обменялись одним из тех взглядов, что позволял им мгновенно и без слов обсудить вопрос и принять решение. Рут сказала со вздохом:

- Видишь ли, Тамми нуждается в такой опоре, потому что... потому что этому ее научил отец.

Лора подскочила:

- *Собственный отец?*

- Не все дети в приюте сироты, - ответила Тельма. - Некоторые здесь потому, что их родители совершили преступление и сидят в тюрьме. А других родные били или... подвергали насилию.

Лоре почудилось, что освежающий августовский ветерок, проникавший в окна, превратился в ледяной порыв поздней осени, преодолевший неведомым образом расстояние в несколько месяцев.

Лора спросила:

- Но Тамми, наверное, это *не нравится?*

- Думаю, что нет, - сказала Рут. - Но ее...

- Ее принуждают, - закончила Тельма. - Она не может выбраться. Она запуталась.

Они смолкли, занятые ужасными мыслями, и наконец Лора сказала:

- Как это страшно... и печально. А мы не могли бы помочь? Сказать о Шинере миссис Боумен или еще кому-нибудь из воспитателей?

- Это не поможет, - ответила Тельма. - Угорь станет все отрицать, и *Тамми тоже*, к тому же у нас нет доказательств.

- Но, если Тамми не одна тут такая, кто-то другой...

Рут покачала головой:

- Большинство теперь в приемных семьях, некоторых усыновили или они вернулись к родным. Двое-трое остались, но они или как Тамми, или до смерти запуганы Угрем, боятся даже рот открыть.

- И кроме того, - сказала Тельма, - взрослые не желают этим заниматься. О приюте может пойти дурная слава. Им неудобно, что все это происходит у них под носом. Да и кто поверит детям? - Тельма столь точно передразнила миссис Боумен и ее лживые нотки, что Лора тотчас ее узнала: - Моя дорогая, они ужасны, эти лживые маленькие создания. Шумные, непослушные, надоедливые животные, они способны из озорства запятнать доброе имя мистера Шинера. Вот если бы их можно было держать в бессознательном состоянии, без движения, с помощью лекарств, да еще кормить с помощью внутривенных вливаний, то наша система функционировала бы более эффективно. Да и для них это было бы лучше, дорогая.

- Угря оправдают, - сказала Рут, - он вернется на работу и уж найдет способ нам отомстить. Так уже случилось с другим извращенцем, который здесь работал. Мы его звали Хорек Фогель. Бедный Денни Дженкинс...

- Денни донес на Хорька Фогеля, сказал Боумен, что Хорек приставал к нему и еще двум мальчикам, и Фогеля отстранили от работы. Но два других мальчика не поддержали Денни. Они боялись Хорька... и еще они страдали этой болезненной тягой к нему. Когда Боумен и другие воспитатели допрашивали Денни...

- Они засыпали его каверзными вопросами, чтобы сбить с толку, - сердито перебила Рут. - Он запутался, сам себе противоречил, и они объявили, что он все это придумал.

- И Фогель вернулся на работу, - сказала Тельма.

- Он сначала выждал, а потом стал издеваться над Денни, - сказала Рут. - Он его жестоко мучил, и в один прекрасный день... Денни сорвался, закричал и не мог остановиться. Доктор сделал ему укол, и его забрали. Они сказали, что он «эмоционально неустойчивый». - Рут готова была расплакаться. - Мы его никогда больше не видели.

Тельма положила руку на плечо сестры. Лоре она сказала:

- Рут любила Денни. Он был хороший мальчик. Худенький, застенчивый, скромный, куда уж ему было бороться. Вот почему надо твердо держаться с Угрем. Нельзя показывать, что ты его боишься. А если начнет приставать, кричи что есть мочи. А главное, бей его между ног.

Тамми вернулась из умывальной. Не взглянув в их сторону, она сбросила тапочки и забралась под одеяло. И хотя мысль о том, что Тамми поддается Шинеру, вызвала у Лоры омерзение, она скорее сочувственно, чем с отвращением смотрела на девочку. Слабое, одинокое, загнанное существо на провисшей узкой кровати. Что может быть жалостливей этого зрелища?

Ночью Лоре приснился Шинер. У него была его собственная человеческая голова, но тело было телом белого угря, и, где бы Лора ни пыталась скрыться, Шинер, извиваясь, скользил за ней, подползая под закрытые двери, обходя препятствия.

2

Штефан вернулся из главной лаборатории к себе в комнату на третьем этаже; его тошнило от увиденного. Он сел за стол и закрыл лицо руками, его трясло от злости, отвращения и страха.

Этот рыжий ублюдок Вилли Шинер мог когда угодно изнасиловать Лору, избить ее до полусмерти, превратить в неизлечимую калеку. И это не предположение, это станет реальностью, если Штефан не предпримет необходимых мер. Он уже представлял себе последствия: Лора с синяками на лице, распухшими изуродованными губами. Самым ужасным были ее глаза, равнодушные, почти мертвые, глаза ребенка, который никогда больше не узнает радости и надежды.

Холодный дождь барабанил по окнам комнаты, и этот громкий звук эхом отдавался у него в груди, будто страшные вещи, свидетелем которых он был, опустошили его до дна, оставив одну оболочку.

Он спас Лору от наркомана в магазине отца, и вот на ее пути встал еще один - педофил. Опыты в Институте научили его, что изменить будущее не всегда просто. Судьба противилась нарушению установленной схемы. Возможно, Штефан не мог предотвратить насилие и разрушение Лориной психики; возможно, это было запланированной частью ее жизни и должно рано или поздно случиться. Возможно, он не способен спасти ее от Вилли Шинера, а если он остановит Шинера, в жизни Лоры может появиться еще один насильник. Но не следует отступать.

Он вспомнил полумертвые тусклые глаза...

3

Семьдесят шесть детей жили в приюте Макилрой, все не старше двенадцати лет; как только им исполнилось тринадцать, их переводили в приют Касвелл-Холл в Анахейме. В отделанной

дубом столовой можно было разместить только сорок человек, и детей кормили в две смены. Лора ела во вторую смену, вместе с сестрами Аккерсон.

Стоя в кафетерии в очереди между Тельмой и Рут в первое утро своего пребывания в приюте, Лора увидела, что Вилли Шинер является одним из четырех раздатчиков пищи. Лора двигалась вперед вместе с очередью, и Угорь не спускал с нее глаз, не обращая внимания на тех, кого он обслуживал.

- Не вздумай показать ему, что боишься, - шепнула Тельма.

Лора попыталась твердо выдержать вызывающий взгляд Шинера, но первой опустила глаза.

Когда она дошла до него, он сказал: «Доброе утро, Лора» - и положил ей на поднос сладкую булочку, которую приберег для нее. Булочка была раза в два больше других и щедро украшена цукатами и глазурью.

Во вторник, на третий день пребывания Лоры в приюте, ей пришлось выдержать разговор с миссис Боумен в ее кабинете на первом этаже на тему «Как ты тут привыкаешь». Этта Боумен была толстой женщиной, носившей уродливые цветастые платья. Она уснащала свою речь штампами и прописными истинами с той самой лживой интонацией, которую идеально передразнивала Тельма, она задавала множество вопросов, не ожидая на них правдивых ответов. Лора врала, что ей нравится в приюте, и миссис Боумен была в восторге.

Возвращаясь к себе в комнату на третьем этаже, Лора встретила на лестнице Угря. Он протирал тряпкой дубовые перила. Новая бутылка полироля для мебели стояла на ступеньке рядом.

Лора застыла на месте, и сердце заколотилось у нее в груди: она догадалась, что он ее подстерегает. Он знал, что ее вызывали к миссис Боумен, и рассчитал, каким путем она будет возвращаться к себе в комнату.

Они были одни. Каждую секунду мог появиться кто-нибудь из детей или воспитателей, но пока они были одни.

Она хотела было повернуть обратно и подняться по другой лестнице, но вспомнила совет Тельмы не уступать Угрю и ее слова, что такие, как он, находят себе добычу среди слабаков. Она приказала себе молча пройти мимо, но ноги словно приросли к ступеням, и она не могла двинуться с места.

При виде Лоры Угорь заулыбался. Это была кошмарная улыбка: кожа у него на лице была бледной, губы бесцветными, а желтые кривые зубы усеяны черными пятнами, словно кожа спелого банана. Лицо под непокорной медной шевелюрой напоминало маску клоуна, но не того, которого видишь в цирке, а того, что пугает людей в ночь Хэллоуина [1] и прячет в кармане не хлопушку, а велосипедную цепь.

- А ты, Лора, прехорошенькая девочка.

Она хотела послать его к черту, но не могла вымолвить ни слова.

- Я хочу стать твоим другом, - продолжал он.

Собрав последние силы, Лора двинулась вверх по лестнице.

Он заулыбался еще шире, видимо считая, что она принимает его дружбу. Сунул руку в карман брюк цвета хаки и извлек оттуда две шоколадки.

Лора вспомнила, как Тельма комически описывала глупые и недалекие уловки Угря, и вдруг перестала его бояться. Со своими жалкими шоколадками и плотоядной улыбкой Шинер был карикатурной фигурой, пародией на зло, и она готова была рассмеяться ему в лицо, если бы не мысль о том, что он сделал с Тамми и другими девочками. Она запретила себе смеяться и быстро прошла мимо Угря, презирая его за глупое поведение и нелепую наружность.

Когда он понял, что она отвергает и конфеты, и дружбу, он попытался остановить ее, положив руку на плечо.

Лора в гневе ее сбросила.

- Не смей ко мне прикасаться, псих!

Она поспешила вверх по лестнице, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать. Если она побежит, он поймет, что она все еще его боится. Главное, не проявить никакой слабости, иначе он не оставит ее в покое.

Всего две ступеньки отделяли ее от следующей площадки, и она тешила себя надеждой, что одержала победу, что он поражен ее твердостью, как вдруг она услышала за спиной звук расстегиваемой на ширинке «молнии». Он сказал громким шепотом:

- Ты только посмотри на это, Лора. Посмотри, что у меня есть. - В его голосе зазвучали злобные безумные нотки. - Посмотри, что у меня в руке, Лора.

Она не оглянулась.

Она миновала площадку и пошла вверх по лестнице, твердя себе: «Не смей бежать, не смей, что я тебе говорю».

С нижней площадки раздался голос Угря:

- Посмотри, Лора, какая у меня большая шоколадка. Такую не купишь.

На третьем этаже Лора бегом бросилась в умывальную и долго скребла руки. Ей казалось, она запачкалась, когда сбрасывала с плеча ладонь Шинера.

Вечером, когда Лора и двойняшки Аккерсон уселись на пол в соответствии с ритуалом, Тельма чуть не умерла со смеху, услышав рассказ Лоры о том, как Угорь приглашал ее полюбоваться его «большой шоколадкой». Она сказала:

- Где еще такого найдешь? Это уникам. И откуда, интересно, он берет свои монологи? Может, «Даблдей» издало «Справочник классических приемов для извращенцев»?

- Все дело в том, - озабоченно сказала Рут, - что он не отказался от своих планов, хотя Лора ему не поддается. Не думаю, что он от нее скоро отвяжется, как от других девочек, с которыми у него трудности.

Ночью Лора почти не спала. Она думала о своем личном хранителе и о том, когда же он появится, чтобы расправиться с Вилли Шинером. Ей почему-то казалось, что в этот раз она не может на него рассчитывать.

Август был на исходе, и все последние десять дней Угорь неотступно следовал за Лорой, как Луна следует за Землей. Стоило ей и сестрам Аккерсон направиться в комнату для игр, чтобы сыграть в карты или лото, как там немедленно появлялся Шинер и принимался мыть окна, полировать мебель или чинить карниз для занавесок, но при этом он не спускал глаз с Лоры. Если девочки уединялись в отдаленном углу спортивной площадки за домом, чтобы поболтать или сыграть в какую-нибудь свою игру, Шинер вскоре появлялся во дворе, чтобы подстричь кусты или подсыпать под них удобрения. Хотя третий этаж был предназначен только для девочек, мужской персонал имел право входить туда в рабочие дни для уборки или ремонта с десяти утра до четырех часов дня, и в эти часы Лора не чувствовала себя в безопасности даже в своей комнате.

Но хуже настойчивости Угря была та пугающая быстрота, с которой росла его темная страсть к Лоре, болезненная тяга, которую выдавали напряженность его взгляда и кислый запах пота, распространившийся вокруг, стоило ему оказаться в одной комнате с Лорой.

Лора, Рут и Тельма убеждали себя, что каждый день бездействия Угря уменьшает угрозу с его стороны, что его нерешительность говорит о том, что Лора для него неподходящая жертва. В глубине души они понимали, что принимают желаемое за действительное, но не осознавали всей опасности, пока однажды в субботу в конце августа они, вернувшись к себе в комнату, не застали Тамми, которая в припадке извращенной ревности уничтожила Лорину библиотечку.

Пятьдесят книг в мягких обложках, любимых книг, которые она забрала с собой из квартиры над бакалейной лавкой, хранились у Лоры под кроватью. Тамми вытащила их на середину комнаты и в припадке ярости изорвала на части более половины.

Лора в растерянности остановилась, но Рут и Тельма оттащили девочку от кучи книг.

Это было для Лоры настоящим ударом: и потому, что это были ее любимые книги, и потому, что их купил отец, а значит, это была ниточка, связывавшая ее с ним; но больше всего потому, что это была ее единственная собственность. Принадлежавшие ей вещи были немногочисленны и убоги, но она внезапно поняла, что они служили ей защитой против жестокости окружающего мира.

Тамми потеряла всякий интерес к книгам, как только перед ней возник настоящий предмет ее ненависти.

- Ненавижу тебя, ненавижу! - Впервые за время их знакомства Лора видела ее в таком состоянии: бледное худое лицо Тамми покраснело, исказилось от злости. Несмотря на темные круги под глазами, она больше не казалась слабой или несчастной; наоборот, она была само неистовство и ярость.

- Ненавижу тебя, Лора, ненавижу!

- Тамми, милая, - Тельма пыталась удержать девочку, - ведь Лора не сделала тебе ничего плохого.

Тяжело дыша, но уже не вырываясь из рук двойняшек, Тамми крикнула Лоре:

- Он только о тебе и говорит, он больше не обращает на меня внимания, только о тебе одной, ненавижу! И что тебя сюда принесло! Ненавижу!

Никто не спрашивал, о ком идет речь. Всем было ясно: об Угре.

- Я ему не нужна, я никому больше не нужна, я ему нужна только для того, чтобы добраться до тебя. Все Лора, Лора, Лора. Он хочет, чтобы я заманила тебя в укромное местечко, чтобы его не побеспокоили, но я на это ни за что не пойду! Если он своего добьется, мне конец. - Ее лицо побагровело от бешенства. Но ужаснее всего было то глубокое отчаяние, которое скрывалось за ее яростью.

Лора выскочила из комнаты и по длинному коридору побежала в уборную. Задышавшись от отвращения и страха, она упала на колени на разбитые пожелтевшие изразцы перед одним из унитазов, и ее вырвало. Почувствовав облегчение, она долго полоскала рот над раковиной, брызгала в лицо холодной водой. Когда она наконец подняла голову и посмотрела на себя в зеркало, слезы хлынули у нее из глаз.

Она плакала не потому, что была одинока и напугана. Она плакала о Тамми. Как же отвратительно жесток этот мир, если десятилетняя девочка дошла до такого падения; если единственным выражением сочувствия взрослых были слова безумца, который ее совратил; если ее единственным богатством было худенькое недоразвитое тело ребенка.

Лора понимала, что положение Тамми куда серьезнее, чем ее собственное. Даже лишившись книг, Лора сохранила светлые воспоминания о любящем, добром, нежном отце, чего не было у Тамми. Даже если отнять у нее немногие принадлежащие ей предметы, Лора все равно сохранит ясность ума, а психика Тамми уже изуродована, и, наверное, навсегда.

4

Шинер жил в бунгало на тихой улочке в Санта-Ана. Это был один из пригородов, застроенных после Второй мировой войны, состоящий из небольших аккуратных домиков, украшенных интересными архитектурными деталями. К лету 1967 года фикусовые деревья сильно разрослись и укрывали своими широкими ветвями стоявшие под ними коттеджи; дом Шинера затеняли еще и разросшиеся кусты азалий и миртов и цветущие красными цветами кусты гибискуса.

Близилась полночь, когда Штефан открыл с помощью пластмассовой отмычки замок задней двери и вошел в дом. Осматривая бунгало, он не таясь зажигал свет и не заботился о том, чтобы задернуть занавески.

Кухня сияла ослепительной чистотой. На покрытых голубым пластиком прилавках не было ни соринки. Хромированные части кухонных приборов и оборудования, краны над раковиной и металлические ножки кухонной мебели блестели ярким блеском, не замутненным ни единым отпечатком пальцев.

Штефан рассеянно открыл холодильник, не зная, что он ожидает там найти. Разве что доказательства безумия Вилли Шинера, а может быть, одну из жертв его извращенных наклонностей, умерщвленную и замороженную в память прошлых страстей? Ничего подобного там не оказалось. Однако внутренность холодильника вновь подтвердила феноменальную аккуратность Шинера: все продукты хранились в одноцветных пластмассовых коробках.

Единственное, что обращало на себя внимание, так это обилие сладостей и в холодильнике, и в шкафах: мороженое, печенье, торты, конфеты, пироги, сдобные булочки и даже крекеры для животных. В шкафах хранились также и многие новинки: новые сорта спагетти и банки овощного супа с лапшой в виде знаменитых героев мультиков. Невольно приходило в голову, что продукты закупал ребенок с деньгами, но без надзора взрослых.

Штефан двинулся в глубь дома.

Столкновение по поводу разорванных книг лишило Тамми последних остатков мужества. Она больше не упоминала Шинера и внешне не проявляла никакой враждебности к Лоре. С каждым днем она все глубже уходила в себя, отводила глаза, все ниже опускала голову, ее голос звучал все тише.

Лора не знала, какое из двух зол хуже: подвергаться постоянной угрозе со стороны Бледного Угря или наблюдать, как на глазах тает и без того уже прозрачная Тамми, которая все меньше реагирует на окружающий мир. Но тридцать первого августа, в четверг, эти две тяжелые ноши упали с ее плеч: она узнала, что с завтрашнего дня будет жить в приемной семье в Коста-Меса.

Лоре было жаль расставаться с сестрами Аккерсон. Она знала их совсем недолго. Но ничто так быстро и прочно не укрепляет узы дружбы, как общая опасность.

В этот вечер, когда они уселись в кружок, Тельма сказала:

- Послушай, Шейн, если вдруг попадешь в хорошую семью, к добрым людям, то сиди смирно и наслаждайся жизнью. Если это приличные люди, забудь о нас, заведи новых друзей, живи своей жизнью. Но знаменитые сестры Аккерсон – это значит мы двое – уже прошли через это чистилище, через целые три приемных семьи, так что, если попадешь в *паршивое* место, не вздумай там оставаться.

Рут посоветовала:

- Побольше реви и рассказывай всем и каждому, какая ты несчастная. Не можешь плакать, так хоть притворяйся.

- Дуйся, – советовала Тельма. – Будь растяпой. Будешь мыть посуду, разбей пару тарелок. Досаждай всем и каждому.

Лора удивилась:

- И вы шли на это, чтобы вернуться сюда, в приют?

- И не только на это, – добавила Рут.

- А вам не было стыдно, когда вы били чужую посуду?

- У Рут это плохо получалось, – сказала Тельма. – Другое дело я, во мне сидит чертенок, а в нее переселилась душа тихой монашенки из четырнадцатого века, вот только мы еще пока не узнали ее имя.

Прошел всего один день, а Лора уже поняла, что не хочет оставаться в семье Тигель, но решила немного потерпеть, потому что сначала ей казалось, что здесь лучше, чем в приюте.

Флора Тигель имела весьма смутное представление о реальной жизни и интересовалась одними кроссвордами. Она проводила все дни до позднего вечера за столом в своей желтой кухне, закутавшись в теплую кофту независимо от погоды, и разгадывала один за другим кроссворды с удивительным упорством, граничившим с идиотизмом.

Обычно она обращалась к Лоре только для того, чтобы дать ей указания по дому или заручиться помощью в разгадке особо трудного слова. Миссис Тигель могла спросить, когда

Лора мыла посуду:

- Семейство кошачьих, слово из семи букв.

Лора всегда отвечала одно и то же: «Не знаю».

- Не знаю, не знаю, ничего ты не знаешь, - издевалась миссис Тигель. - Можно подумать, девочка, что ты вообще ничего не знаешь. Чему вас только учат в школе? Разве ты не интересуешься языком, словами?

Слова для Лоры таили особые чары. Для нее слова были сама красота, каждое словно магический порошок или волшебное зелье, которые можно смешать в одной чаше и получить колдовской напиток. А для Флоры Тигель слова были игральными фишками для заполнения квадратов головоломки, вызывающими раздражение неуловимыми сочетаниями букв.

Муж Флоры, Майк, коренастый, с лицом младенца, работал шофером на грузовике. Он проводил вечера в кресле за чтением газеты «Нэшнл энквайрер», впитывая из сомнительных статей бесполезные сведения о внеземных контактах и поклоняющихся дьяволу кинозвездах. Его любовь к такого рода «экзотическим фактам», как он их называл, можно было бы считать безвредной, если бы он был столь же поглощен ими, как его жена кроссвордами; но он часто делился новостями с Лорой и читал вслух наиболее выдающиеся статьи во время ее работы по дому или в те редкие моменты, когда ей удавалось заняться школьными уроками.

Статьи казались ей глупыми, нелогичными, бессмысленными, но она не смела заикнуться об этом. Майк не обижался, когда она говорила ему, что его газеты - это макулатура. Он снисходительно смотрел на нее и назидательно, терпеливо - что выводило Лору из себя, - как переучившийся невежественный всезнайка, объяснял ей, как устроен мир. Утомительно долго. С повторами.

- Лора, тебе надо учиться. *Большие шишки* там, в Вашингтоне, все знают об инопланетянах и загадках Атлантиды.

Но как бы ни различались Флора и Майк, в одном они сходились: приемыша берут в дом, чтобы заполучить бесплатную домработницу. В обязанности Лоры входили уборка, стирка, глажка и готовка пищи.

Их единственный ребенок Хэйзел была на два года старше Лоры и избалована до предела. Хэйзел никогда не готовила, не мыла посуду, не стирала белье и не убирала дом. И хотя ей было только четырнадцать, ногти на ее руках и ногах были идеально покрашены. Если попробовать вычестить из четырнадцати лет число дней, потраченных ею на прихорашивание перед зеркалом, то ей было бы всего пять лет.

- В день стирки, - пояснила она Лоре в первый день ее пребывания в доме, - ты должна в первую очередь отгладить *мои* платья. И не забудь их развесить в шкафу по цветам.

«Да я читала эту книгу и видела фильм, - подумала Лора. - Господи, мне досталась главная роль в «Золушке»!»

- Я буду знаменитой кинозвездой или манекенщицей, - продолжала Хэйзел. - Мое лицо, руки и тело - это мое будущее. Я обязана о них заботиться.

Когда в субботу, шестнадцатого сентября, в соответствии с установленным порядком Лору

навестила социальный работник миссис Инс, тощая до безобразия женщина с заостренным лицом гончей, Лора хотела попроситься обратно в приют. Угроза, которую представлял Вилли Шинер, побледнела перед лицом каждодневного существования в семье Тигель.

Миссис Инс пришла точно в назначенный час и застала Флору Тигель за мытьем посуды, чем она занималась впервые за две недели. Лора сидела за кухонным столом и разгадывала кроссворд, который ей сунули в руки, когда раздался звонок.

Личная беседа, для которой отводилась часть визита, состоялась в комнате Лоры, однако миссис Инс отказалась поверить, что на Лору взвалили столько работы.

- Но, милочка, мистер и миссис Тигель образцовые приемные родители. Глядя на тебя, не подумаешь, что тебя замучили работой. Ты даже поправились.

- Я не говорю, что меня морят голодом, - сказала Лора. - Но у меня не остается времени на приготовление уроков. Вечером я прямо падаю с ног...

- Кроме того, - прервала ее миссис Инс, - приемные родители обязаны не только содержать детей, но и воспитывать их, а значит, учить их хорошим манерам и поведению, формировать их моральные устои и учить честно трудиться.

Миссис Инс была безнадежна.

Лора вспомнила, как избавиться от неудобных приемных родителей по плану сестер Аккерсон. Она стала кое-как убирать дом. После мытья на посуде оставались пятна и потеки. Она заглаживала на платьях Хэйзел лишние складки.

Гибель большей части ее библиотечки научила Лору глубоко уважать чужое имущество, и она не могла заставить себя разбить тарелку или испортить что-нибудь из вещей Тигелей, но эту часть плана сестер Аккерсон она заменила проявлением презрения и неуважения. Так, Флора, разгадывая кроссворд, попросила дать ей слово из шести букв, означающее «тупица», и Лора предложила: «Тигель». А когда Майк начал рассказывать историю о летающих тарелках, вычитанную в газете, она перебила его, чтобы поведать о людях-мутантах, тайно живущих в подвале в местном супермаркете. Хэйзел Лора посоветовала начать карьеру в кино дублером Эрнста Боргнайна:

- Ты его точная копия, Хэйзел. Они *обязательно* возьмут тебя на работу.

Расплата за насмешки не заставила себя долго ждать. Майку не понадобилась палка, ее заменили его мозолистые тяжелые ладони. Он что есть мочи лупил ее по попке, но Лора закусил губу и не позволила себе расплакаться. Флора, которая в дверях кухни наблюдала за экзекуцией, посоветовала:

- Довольно, Майк. Как бы не осталось следов.

Но Майк остановился только тогда, когда жена схватила его за руку.

В эту ночь Лора не спала. Впервые она использовала столь любимые ею слова, всю силу языка, чтобы добиться намеченной цели, и реакция Тигелей показала, что Лора неплохо умеет распоряжаться своим богатством. Еще более волнующей была зародившаяся и еще целиком не осознанная мысль, что у нее есть талант не только защищаться с помощью слов, но и зарабатывать с их помощью на жизнь, например как автор книг, которые она так обожала читать. С отцом она часто говорила о своей мечте стать доктором, балериной, ветеринаром, но

ни одна из этих профессий не затронула так глубоко ее душу, как мечта стать писательницей.

На следующее утро, когда она спустилась вниз и застала всю семью Тигель за завтраком, она сказала:

- Послушай, Майк, я только что обнаружила разумное существо с Марса, которое поселилось у нас в туалетном бачке.

- Это еще что такое? - поинтересовался Майк.

Лора улыбнулась и ответила:

- Это «экзотические факты».

Через два дня Лору отослали обратно в приют.

6

Гостиная Вилли Шинера была самой заурядной. Штефан опять не мог объяснить, что он тут предполагал обнаружить. Наверное, признаки безумия, но никак не этот чистый, аккуратный дом.

Одна из спален была не меблирована, а вот другая явно свидетельствовала о чем-то необычном. Единственной постелью служил лежавший на полу узкий матрац. Наволочки и простыни с яркими рисунками, изображавшими забавных кроликов из мультфильмов, определенно предназначались для детской. По своим размерам ночной столик и комод тоже были рассчитаны на ребенка и украшены по бокам и на ящиках картинками жирафов, кроликов и белок. Кроме того, на полке стояли книги из «Золотой библиотеки для малышей», а также книжки-картинки, мягкие игрушки и другие игры для шести-семилетних.

Сначала Штефан подумал, что комната предназначена для соседских детей, что Шинер настолько спятил, что ищет жертву поблизости, хотя опасность здесь для него была особенно велика. Но в доме не было другой кровати, а в стенном шкафу и комодке размещалась мужская одежда. На стенах висело с десяток фотографий в рамках с изображением одного и того же рыжеволосого мальчика, на некоторых он был еще совсем малышом, на других лет шести-семи, но всюду, вне всякого сомнения, это был Вилли Шинер в детстве. Понемногу до Штефана дошло, что вся эта обстановка предназначена для самого Вилли Шинера. Здесь жил психически больной человек. Ночью Шинер совершал удивительное путешествие в прошлое и укрывался в стране своего детства, обретая столь необходимый ему покой.

Стоя посередине странной комнаты, Штефан испытывал одновременно печаль и отвращение. Было ясно, что Шинер преследовал детей не столько для сексуального удовлетворения, сколько для того, чтобы впитать их юность, стать вновь молодым, как они; что, предаваясь пороку со всей его грязью и мерзостью, он пытался обрести потерянную невинность детства. Он был в равной степени жалким и презренным, неспособным справиться с грузом взрослой жизни и не менее опасным в своей неполноценности.

Штефан невольно содрогнулся.

7

Ее кровать в комнате двойняшек Аккерсон теперь занимала другая девочка, и Лору поместили в маленькую комнату с двумя кроватями на третьем этаже возле лестницы. Ее соседкой была

девятилетняя Элоиз Фишер, с косичками, веснушками, очень серьезная для своего возраста.

- Когда я вырасту, я стану бухгалтером, - объявила она Лоре. - Мне нравятся цифры. Складываешь их и всякий раз получаешь один и тот же результат. Цифры дело надежное, не то что люди.

Родители Элоиз торговали наркотиками и получили срок, а она жила в приюте, пока суд не решит, кому из родственников поручить опеку.

Как только Лора распаковала вещи, она поспешила в комнату близнецов и ворвалась к ним с радостным криком:

- Я свободна, свободна!

Тамми и новая девочка равнодушно посмотрели на нее, но Рут и Тельма бросились обнимать, что походило на возвращение домой в родную семью.

- Ты что, не понравилась своим приемным родителям? - спросила Рут. А Тельма добавила:

- Ага, значит, ты воспользовалась планом Аккерсон.

- Нет, я их всех поубивала, когда они спали.

- Это надежней всего, - согласилась Тельма.

Новой девочке, Ребекке Богнер, было одиннадцать. Она и сестры Аккерсон явно не симпатизировали друг другу. Слушая разговоры Лоры и близнецов, Ребекка без конца твердила: «Странные какие», «Ну просто ненормальные» и «Ну совсем психи» с таким превосходством и пренебрежением, что отравляла атмосферу в комнате не хуже ядерного взрыва.

На улице Лора и сестры уединились в углу спортивной площадки, чтобы без злых комментариев Ребекки поделиться новостями, что накопились за пять недель отсутствия Лоры. Стояло начало октября, и дни были еще теплыми, но около пяти заметно холодало. Они были в теплых кофтах и сидели на нижних перекладинах гимнастического лабиринта, покинутого младшими детьми, которые умывались, готовясь к ужину.

Не прошло и пяти минут, как на площадке появился Вилли Шинер с электрической машинкой для стрижки кустов и принялся подравнивать миртовые кусты неподалеку, не спуская глаз с Лоры.

За ужином Угорь занимал свое место в кафетерии, раздавая картонные пакеты с молоком и куски вишневого пирога. Самый большой кусок достался Лоре.

В понедельник Лора пошла в новую школу, где другие дети уже успели за месяц перезнакомиться. Она встречалась на некоторых уроках с Тельмой и Рут, что помогало ей привыкнуть к новой обстановке, но, как видно, постоянные изменения были характерной особенностью жизни в приюте.

Во вторник во второй половине дня, когда Лора вернулась из школы, в коридоре ее остановила миссис Боумен:

- Лора, пожалуйста, зайди ко мне в кабинет.

На миссис Боумен было платье с цветами по фиолетовому полю, которое резко контрастировало с розовым и желтым орнаментом обоев и гардин. Лора села на стул, обитый материей с розовым узором. Миссис Боумен не села, а стояла за столом, видимо предполагая быстро разделаться с Лорой и заняться другими делами. Миссис Боумен была суетливой и суматошной.

- Элоиза Фишер покинула нас сегодня, - объявила миссис Боумен.

- И кто опекун? - спросила Лора. - Она хотела жить у своей бабушки.

- Именно она и назначена опекуном, - подтвердила миссис Боумен.

Элоиз повезло. Надо думать, что будущий веснушчатый бухгалтер с косичками найдет другую опору в жизни, помимо бездушных цифр.

- Теперь ты одна в комнате, - продолжала миссис Боумен твердым голосом, - и нигде нет свободного места, так что...

- Могу я сделать предложение?

Миссис Боумен нетерпеливо нахмурилась и посмотрела на часы.

Лора заторопилась.

- Я очень дружу с сестрами Аккерсон, а с ними живут Тамми Хинсен и Ребекка Богнер. Но Тамми и Ребекка не ладят с сестрами, и вот...

- Мы хотим, чтобы разные дети научились ладить между собой. Жизнь с людьми, которые тебе симпатичны, не способствует выработке характера. Как бы там ни было, отложим это до завтра, сегодня мне некогда. Так вот, мне надо знать, могу ли я на тебя положиться и оставить одну на ночь в этой комнате?

- Положиться? - изумилась Лора.

- Скажи мне правду, девочка. Я могу оставить тебя одну?

Лора не могла понять, что беспокоит социального работника и почему она боится оставить Лору одну на ночь. Может, она думает, что Лора забаррикадируется в комнате и полиции придется взламывать дверь и применять слезоточивый газ и наручники?

Лора была одновременно растерянна и оскорблена.

- Конечно, можете. Я не маленькая. Все будет в порядке.

- Ладно... хорошо. Сегодня ты будешь ночевать одна, а завтра мы что-нибудь придумаем.

Покинув многоцветный кабинет миссис Боумен и очутившись в сером коридоре, Лора стала подниматься по лестнице на третий этаж, и вдруг ее осенило: «А как же Бледный Угорь?» Шинер обязательно узнает, что сегодня она ночует одна. Он знал обо всем происходившем в приюте, и у него были свои ключи, он мог войти в приют даже ночью. Ее комната была рядом с лестницей, он мог прокрасться незамеченным и в одно мгновение справиться с нею. Он мог сделать с ней что угодно, обезвредить ее ударом по голове или наркотиком, запихнуть в мешок,

утащить с собой, запереть в подвале, и никто не догадается, что с ней произошло.

Она повернула обратно, прыгая через две ступеньки, чтобы застать миссис Боумен, но в холле на первом этаже чуть не столкнулась с Угрем. Он был вооружен шваброй и катил оснащенный выжималкой бак на колесах, распространявший хвойный запах дезинфекции.

Он ухмыльнулся. Может, это была игра ее воображения, но она не сомневалась: он знает, что сегодня она ночует одна.

Ей следовало пройти мимо, дальше, к миссис Боумен, и просить, чтобы ее не оставляли на ночь одну. Но она не могла обвинить Шинера, иначе бы ее ждала участь Денни Дженкинса – неверие воспитателей, погубленная жизнь, – ей нужно было найти вескую причину для перемены своего решения.

Ей пришло в голову, а не наброситься ли ей на Угря, толкнуть его в бак с водой, поддать под зад, одним словом, показать, что она не такая слабая и что ему лучше с нею не связываться. Но Угорь был не из породы Тигелей. Майк, Флора и Хэйзел были узколобыми, несносными, невежественными, но сравнительно нормальными людьми. Угорь был ненормальным, и его реакция на нападение была непредсказуемой.

Пока она раздумывала, он все шире улыбался, обнажая кривые желтые зубы.

На его бледных щеках выступил румянец, и Лора, преодолевая тошноту, поняла, что его душит желание.

Она пошла прочь, вверх по лестнице, не решаясь бежать, пока не скрылась у него из виду. Тогда она что было мочи помчалась в комнату двойняшек.

- Сегодня ты будешь спать у нас, – сказала Рут.

- Правда, тебе придется побыть у себя, пока не кончится вечерняя поверка, – продолжала Тельма, – а потом тихонечко спустишься сюда.

Из своего угла, где она, сидя на кровати, делала домашнее задание по математике, Ребекка Богнер сказала:

- У нас только четыре кровати.

- Я буду спать на полу, – сказала Лора.

- Это нарушение правил, – отрезала Ребекка. – Я ведь не сказала, что я против. Я только сказала, что это нарушение правил.

Лора думала, что Тамми тоже будет протестовать, но девочка лежала на кровати поверх покрывала, уставившись в потолок, явно погруженная в свои собственные мысли, и не обращала на остальных никакого внимания.

Когда они сидели в облицованной дубом столовой за несъедобным ужином из свиных отбивных, клейкого картофельного пюре и жесткой зеленой фасоли, Тельма сказала:

- Хочешь знать, почему Боумен боялась оставить тебя одну? Она боится, что ты покончишь с собой.

Лора не могла поверить своим ушам.

- Тут были такие случаи, - грустно подтвердила Рут. - Вот отчего они запикивают нас по двое даже в самую тесную комнатушку. Когда слишком часто остаешься одна... от этого все и происходит.

Тельма сказала:

- Они не разрешили нам жить вдвоем в маленькой комнате, потому что мы близнецы, для них мы как бы один человек. Они думают, стоит нас оставить на минуту одних, как мы тут же повесимся.

- Какая чепуха, - сказала Лора.

- Конечно, чепуха, - согласилась Тельма. - Подумаешь, повеситься. Удивительные сестры Аккерсон - это мы вдвоем - вынашивают более грандиозные планы. Например, стащить кухонный нож и сделать себе харакири, а вот если достать дисковую пилу...

Разговоры велись пониженными голосами, так как по столовой прохаживались дежурные воспитатели. Когда мисс Кейст, главная воспитательница на третьем этаже, постоянно проживающая в приюте, прошла мимо их стола, Тельма прошептала:

- Гестапо.

Когда мисс Кейст удалилась, Рут сказала:

- Миссис Боумен желает нам добра, но она здесь не на своем месте. Если бы она постаралась разузнать, какой у тебя характер, Лора, она бы не беспокоилась, что ты пойдешь на самоубийство. Ты стойкая.

Тельма ковыряла вилкой несъедобное месиво.

- Тамми Хинсен как-то застали в умывальной с пачкой лезвий, но она так и не решилась перерезать себе вены.

Лора вдруг ощутила странность сочетания смешного и трагичного, нелепого и мрачного, пронизывающих их жизнь в приюте Макилрой. То они весело шутили друг с другом, то через секунду обсуждали, кто из девочек способен на самоубийство. Лора отметила, что подобная глубокая мысль не соответствует ее возрасту, решила записать ее в тетрадь, недавно заведенную специально для этого, как только вернется к себе в комнату.

Рут наконец проглотила кусок пищи.

- Через месяц после случая с Тамми Хинсен они неожиданно провели внеочередной обыск у нас в комнатах, искали опасные предметы. Они нашли у Тамми банку с бензином для зажигалок и спички. Она хотела запереться в душевой, облить бензином и поджечь себя.

- Господи. - Лора представила себе худую беловолосую девочку с землистым лицом и темными кругами под глазами и подумала, что с помощью самосожжения Тамми только хотела ускорить процесс: медленный огонь уже давно сжигал ее изнутри.

- Они на два месяца отправили ее в больницу для интенсивного лечения, - сказала Рут.

- А когда она вернулась, - подхватила Тельма, - все взрослые твердили, что ей стало лучше, а мы решили, что она такая, как прежде.

Лора встала с постели через десять минут после ночного обхода мисс Кейст. В пижаме, с подушкой и одеялом под мышкой она босиком направилась в комнату сестер.

Горела только одна лампа у изголовья Рут. Рут прошептала:

- Лора, ты будешь спать на моей кровати. Я уже устроилась на полу.

- Давай собирай все с пола и иди обратно на кровать, - откликнулась Лора.

Она в несколько раз сложила свое одеяло, расстелила этот самодельный матрац рядом с постелью Рут и устроилась на нем, подложив под голову подушку.

Со своей кровати Ребекка Богнер сказала:

- Вот увидите, мы нарвемся на неприятность.

- Чего ты боишься? - спросила Тельма. - Что они в наказание привяжут нас к столбам во дворе, обмажут медом и оставят на съедение термитам?

Тамми уже спала или притворялась спящей.

Рут выключила лампу, и наступила тишина.

Внезапно дверь со стуком открылась настежь, и загорелся верхний свет. Мисс Кейст в красном халате и с грозным выражением лица влетела в комнату.

- Вот оно что! Интересно, что ты тут делаешь, Лора?

Ребекка Богнер простонала:

- Я же говорила, что мы нарвемся на неприятность.

- Вы, мисс, немедленно возвращайтесь к себе в комнату.

Быстрота появления мисс Кейст казалась подозрительной, и Лора взглянула на Тамми Хинсен. Беловолосая девочка больше не притворялась спящей. Опершись на локоть, она улыбалась бледной улыбкой. Она явно решила помочь Угрю в его борьбе за Лору, возможно, в надежде вернуть себе его расположение.

Мисс Кейст проводила Лору обратно в ее комнату. Лора легла в кровать, и мисс Кейст с минуту смотрела на нее.

- Тут жарко. Я открою окно. - Вернувшись к постели, она опять пристально посмотрела на Лору. - Может быть, ты хочешь мне что-нибудь сказать? У тебя все в порядке?

Лора подумала, не рассказать ли ей об Угре. А что, если мисс Кейст устроит засаду на Угря, а он вдруг не покажется? Никогда больше Лора не посмеет сказать что-нибудь против Угря, потому что один раз она его уже напрасно обвинила, и тогда никто не станет принимать ее всерьез. Даже если Шинер изнасилует ее, это ему сойдет с рук.

- Нет-нет, все в порядке, - сказала она.

Мисс Кейст продолжала:

- Тельма слишком самоуверенна для девочки ее возраста, она хочет казаться старше своих лет. А если ты такая глупая, чтобы снова нарушить правила ради ночной болтовни, то выбирай себе друзей понадежней.

- Да, мэм, - согласилась Лора, только чтобы избавиться от мисс Кейст; как она могла, обманутая мимолетным сочувствием, подумать о том, чтобы довериться этой женщине.

Мисс Кейст ушла, но Лора продолжала лежать в кровати и не думала никуда бежать. Она лежала в темноте, уверенная, что через полчаса последует еще одна проверка. Наверняка Угорь до полуночи не выползет из норы, а сейчас было всего десять, так что у нее достаточно времени между следующим посещением мисс Кейст и появлением Угря, чтобы найти для себя безопасное укрытие.

Где-то в ночной дали заворчал гром. Лора села на кровати. Ее личный хранитель! Отбросив одеяло, она подбежала к окну. Никакой молнии. Отдаленный грохот стих. А может быть, она ослышалась? Она подождала еще минут десять, но все было тихо. Разочарованная, она вернулась в кровать.

Вскоре после десяти тридцати скрипнула дверная ручка. Лора закрыла глаза и глубоко задышала, притворяясь спящей.

Кто-то неслышно пересек комнату, остановился возле кровати.

Лора дышала медленно, ровно, глубоко, но сердце что есть силы колотилось у нее в груди.

Это Шинер. Она знала, что это он. Господи, как она могла забыть, что он ненормальный, что он непредсказуем, и вот теперь он здесь, раньше, чем она ожидала, а в руке у него шприц со снотворным. Он засунет ее в мешок и унесет с собой, словно безумный Санта-Клаус, ворующий детей, вместо того чтобы приносить им подарки.

Тикали часы. Прохладный ветерок шевелил занавески.

Наконец человек у кровати пошел обратно к двери. Дверь закрылась. Значит, все-таки это была мисс Кейст.

Дрожа всем телом, Лора вскочила с кровати, надела халат. Перекинула одеяло через руку и босиком, чтобы не делать лишнего шума, выбежала из комнаты.

Она не могла вернуться в комнату Аккерсон. Лора направилась к лестнице, осторожно открыла дверь и вышла на освещенную площадку. Она прислушалась, не слышно ли шагов Угря. Она спускалась с опаской, каждую секунду ожидая встретить Шинера, но благополучно добралась до первого этажа. Прогнувшись от холода кафельных плит под босыми ногами, Лора спряталась в комнате для игр. Она не стала зажигать света, ей было достаточно неяркого сияния уличных фонарей, проникавшего через окна и освещавшего контуры мебели. Она прошла между столами и стульями, добралась до дивана и улеглась позади на свернутом одеяле. Она спала урывками, без конца просыпаясь от кошмаров. Ночью старый дом был полон таинственных звуков: скрип половиц наверху, бульканье в ржавых водопроводных трубах.

Штефан погасил все лампы и ждал в спальне с детской мебелью. В три тридцать утра он услышал, как Шинер входит в дом. Штефан спрятался за дверью спальни. Через несколько минут Шинер вошел в спальню, зажег свет и направился к матрасу. По пути он издавал странные звуки, нечто среднее между всхлипыванием ребенка и скулежом животного, возвращающегося из враждебного мира под защиту своей норы.

Штефан закрыл дверь, и Шинер резко обернулся, напуганный тем, что кто-то нарушил покой его гнезда.

- Кто... кто вы такой? Что вы тут делаете?

Из «Шевроле», припаркованного в темноте на другой стороне улицы, Кокошка наблюдал, как Штефан покидает дом Шинера. Он подождал десять минут, вышел из машины, обошел дом, обнаружил сзади открытую дверь и осторожно ступил внутрь.

Шинер, избитый, окровавленный, неподвижный, лежал на полу в детской спальне. В воздухе стоял запах мочи. «Когда-нибудь, - подумал Кокошка с мрачной уверенностью и предвкушением садиста, - я еще не так расправлюсь со Штефаном. С ним и с этой чертовой девчонкой. Главное узнать, какую роль он отводит ей в своих планах и почему он скачет через десятилетия, чтобы переделать ее жизнь. Вот тогда-то я устрою такие пытки, что ад покажется раем».

Он покинул дом Шинера. На заднем дворе остановился, посмотрел на звездное небо и вернулся обратно в Институт.

9

Когда рассвело, но все обитатели приюта еще спали, Лора почувствовала, что опасность миновала; она встала со своего ложа в комнате для игр и вернулась на третий этаж. Все лежало на прежних местах. Ничто не говорило о том, что ночью здесь побывал чужой человек.

Измученная, с красными от бессонницы глазами, Лора раздумывала, не преувеличила ли она наглость и дерзость Угря. Она чувствовала себя немного смущенной.

Она принялась убирать постель - непреложная обязанность каждого в приюте - и застыла на месте при виде находки, обнаруженной под подушкой. Одной-единственной круглой пачки с леденцами.

В этот день Бледный Угорь не явился на работу. Видимо, всю ночь он готовился к похищению Лоры, и теперь ему надо было выспаться.

- Разве такой человек может вообще спать? - удивлялась Рут, когда после школьных занятий они собрались в уголке спортивной площадки. - Его, наверное, совесть заедает?

- Рут, милая, неужели ты думаешь, что у него есть совесть? - сказала Тельма.

- У всех есть, даже у самых плохих. Такими нас создал Господь.

- Шейн, - сказала Тельма, - приготовься к церемонии изгнания злых духов. Наша Рут опять стала жертвой колдовского обмана.

Миссис Боумен проявила неожиданную доброту и позволила Лоре жить с сестрами Аккерсон, переселив Тамми и Ребекку в другую комнату. Четвертая кровать пока оставалась незанятой.

- Это кровать для Пола Маккартни, - объявила Тельма, когда они с сестрой помогли Лоре с переездом. - Если битлы приедут сюда на гастроли, он может на ней спать. А я буду *спать* с ним!

- Иногда, - заметила Рут, - тебя стыдно слушать.

- Чего это ты? Я просто выражаю здоровую сексуальную потребность.

- Тельма, ты забыла, что тебе только двенадцать! - в отчаянии воскликнула Рут.

- Скоро тринадцать. Теперь всякий день жди прихода месячных. Проснемся утром, а тут столько крови, как после побоища.

- Тельма, что ты говоришь!

Шинер не пришел на работу и во вторник. На этой неделе у него выходными были пятница и суббота, и в субботу вечером Лора и близнецы в сильном возбуждении обсуждали вопрос, вернется ли Угорь вообще, - возможно, он попал под грузовик или заболел бери-бери.

Но в воскресенье утром Шинер стоял на своем месте за раздаточным прилавком. Оба его глаза украшали два черных синяка, у него также была повязка на правом ухе, раздутая верхняя губа и длинная глубокая ссадина на левой скуле; ко всему прочему у него недоставало двух передних зубов.

- Вероятно, он все-таки попал под грузовик, - шепнула Рут, когда они двигались в очереди вдоль прилавка.

Другие дети тоже не оставили без внимания увечья Шинера, и некоторые посмеивались. Но они боялись, презирали его или питали к нему отвращение, поэтому никто не спросил Шинера, почему он в таком состоянии.

По мере приближения к нему Лора, Рут и Тельма смолкли. С близкого расстояния он выглядел еще хуже. Страшные синяки казались совсем свежими, как и отеки; видимо, сначала глаза были почти закрыты. Разбитая губа еще кровоточила. Помимо синяков, все его лицо покрывали ссадины и царапины, а обычно бледная кожа казалась серой. Со своей вьющейся медно-красной шевелюрой он являл жалкую нелепую фигуру: неумелый цирковой клоун, который свалился с маху с лестницы, не зная, как приземлиться и уберечь себя от ушибов.

Он обслуживал детей, не поднимая головы и не спуская взгляда с молочных пакетов и булочек. Он напрягся, когда к нему подошла Лора, но не поднял глаз.

За столом девочки уселись так, чтобы наблюдать за Угрем, о чем они и думать не могли всего час назад. Но теперь он был не страшен, а скорее загадочен. Весь день они не избегали его, а, наоборот, преследовали, прикидываясь, что это случайно, и пристально его изучали.

Постепенно выяснилось, что он реагирует на присутствие Лоры, но боится даже взглянуть на нее. Он смотрел на других детей, задержался в комнате для игр и тихо побеседовал о чем-то с Тамми Хинсен, но он боялся взглянуть на Лору и держался подальше от нее, как от клетки со свирепыми львами.

К концу дня Рут сделала выводы:

- Лора, он тебя боится.

- Это точно, - подтвердила Тельма. - Может, это ты его исколошматила, Шейн? Может, ты скрываешь, что ты мастер по карате?

- Ничего не понимаю. Почему он меня боится?

Но она знала почему. Ее личный хранитель. Она думала, ей самой придется заниматься Шинером, но хранитель явился опять и предупредил Шинера, чтобы тот оставил ее в покое.

Ей почему-то не хотелось историю об этом загадочном защитнике поведать сестрам Аккерсон. А ведь они были ее лучшими подругами. Она доверяла им. И все же интуиция ей подсказывала, что тайна ее хранителя должна оставаться тайной, что то небольшое, что она о нем знала, - нечто сокровенное, и у нее нет права болтать об этом с другими людьми, превращая все в пустую сплетню.

В следующие две недели синяки и ссадины у Шинера поджили, он снял повязку с уха, и все увидели багровые швы, которые держали этот почти оторванный кусок человеческой плоти. Он продолжал сторониться Лоры. Обслуживая ее в столовой, он больше не приберегал для нее лучшие куски пирога или булочки и по-прежнему отводил глаза в сторону.

Несколько раз, однако, она ловила издалека его злобный взгляд. Всякий раз он быстро отворачивался, но в его бешеных зеленых глазах она видела нечто худшее, чем предыдущее извращенное чувство, - на этот раз это была ярость. Он определенно винил в избиении ее.

Двадцать седьмого октября, в пятницу, она узнала от миссис Боумен, что завтра едет в другую приемную семью. Мистер и миссис Доквайлер жили в Ньюпорт-Бич, впервые участвовали в этой благотворительной программе и были рады принять Лору.

- Уверена, что на этот раз вы сойдетесь. - Миссис Боумен стояла за своим столом в ярко-желтом цветастом платье, которое придавало ей сходство с ярким тропическим попугаем. - Надеюсь, у Доквайлеров с тобой не повторится история, которая случилась в семье Тигель.

В этот вечер Лора и близнецы старались держаться мужественно и хладнокровно, как и в прошлый раз, принимать приближающуюся разлуку. Но за этот месяц они сблизились еще больше, и Рут с Тельмой стали относиться к Лоре как к родной сестре. Тельма даже раз сказала: «Эти удивительные сестры Аккерсон, Рут, Лора и я» - и Лора впервые за три месяца после смерти отца почувствовала себя желанной, любимой и по-настоящему живой.

- Как я люблю вас, девчонки, - сказала Лора.

Рут ответила:

- Ах, Лора! - И расплакалась.

Тельма нахмурилась.

- Не успеем оглянуться, как ты уже вернешься. Эти Доквайлеры наверняка какие-нибудь ужасные люди. Вот увидишь, они тебя поселят в гараже.

- Я только на это и надеюсь.

- Они будут тебя избивать резиновым шлангом...

- Я не против.

На этот раз молния, которая преобразила ее жизнь, была *доброй* молнией, и Лора почувствовала это с самого начала.

Супруги Доквайлер жили в просторном доме в дорогом районе Ньюпорт-Бич. У Лоры была спальня с видом на океан. Она была отделана в бежевых и коричневых тонах.

Показывая ей комнату в первый раз, Карл Доквайлер сказал:

- Мы не знали, какой твой любимый цвет, поэтому оставили все как есть, но мы можем все перекрасить, ты только скажи...

Ему было за сорок; большой и грузный, как медведь, с широким помятым лицом, он напоминал ей Джона Уэйна, если бы Джон Уэйн был смешнее на вид.

- Может, девочке твоего возраста подойдет розовая комната?

- Нет, нет, оставьте все как есть! - воскликнула Лора. Она все еще не могла свыкнуться с неожиданной роскошью, которая ее теперь окружала; она подошла к окну, и перед ней открылся изумительный вид ньюпортской гавани с лодками и яхтами, качающимися на играющей солнечными бликами воде.

Нина Доквайлер обняла Лору за плечи. Она была очаровательна и казалась хрупкой фарфоровой статуэткой: матовое лицо, темные волосы и глаза цвета фиалки.

- Лора, в твоем деле написано, что ты любишь читать, но мы не знали, какие книги тебе по вкусу, хочешь, пойдём сейчас в магазин, и ты выберешь, что тебе нравится.

В магазине Лора выбрала пять книг в мягких обложках, и, хотя Доквайлеры уговаривали ее купить еще, она стеснялась тратить их деньги. Карл и Нина принялись сами рыться на полках, снимать тома и читать Лоре рекламу с суперобложки; они откладывали книги в сторону, стоило Лоре проявить малейший интерес. В какой-то момент Карл на руках и коленках ползал по полу в юношеской секции, разбирая названия на нижней полке:

- Послушай, вот тут книга о собаке. Ты любишь книги о животных? А вот о шпионах! - Он был так смешон, что Лора расхохоталась. Они купили сотню книг, целый мешок.

Впервые они обедали вместе в пиццерии, где Нина продемонстрировала удивительный талант фокусника, достав из-за Лориного уха кусочек колбасы, который тут же растаял в воздухе.

- Потрясающе, - сказала Лора. - Где вы этому научились?

- Я была художником по интерьеру, у меня была фирма, но мне пришлось оставить работу восемь лет назад. Из-за слабого здоровья. Я уставала. Но я не привыкла сидеть дома и занялась всеми теми вещами, на которые у меня не хватало времени, когда я работала. Например, научилась фокусам.

- Из-за слабого здоровья? - переспросила Лора.

Уверенность в завтрашнем дне - вот та хрупкая опора, которой люди пытались лишить Лору. Теперь ей снова грозила эта опасность...

Они заметили ее испуг, и Карл Доквайлер сказал:

- Не беспокойся. Нина родилась с пороком сердца, это врожденный недостаток, но она проживет дольше, чем мы с тобой, если будет избегать стрессов.

- Разве нельзя сделать операцию? - спросила Лора и положила обратно на тарелку кусок пиццы; ее аппетит мгновенно исчез.

- Техника операций на сердце постоянно совершенствуется, - сказала Нина. - Подождем еще пару лет. Но, девочка, не надо волноваться. Я о себе позабочусь, особенно теперь, когда у меня есть дочка, которую я могу баловать!

- Больше всего на свете мы мечтали иметь детей, - сказал Карл, - но наша мечта не осуществилась. Когда мы решили усыновить ребенка, обнаружилась болезнь Нины, и учреждения, которые этим занимаются, нам отказали.

- А как приемные родители мы подходим, - сказала Нина, - так что, если тебе нравится у нас, ты можешь жить с нами всегда, как если бы мы тебя удочерили.

Ночью в своей большой спальне с видом на море - теперь это было огромное пугающе темное пространство - Лора сказала себе, что не должна слишком привязываться к Доквайлерам, что болезнь Нины перечеркивала саму возможность надежного будущего.

На следующий день, в воскресенье, они отправились покупать Лоре гардероб и потратили бы кучу денег, если бы она наконец не упростила их остановиться. Набив «Мерседес» коробками и пакетами с новой одеждой, они поехали в кинотеатр на комедию с Питером Селлерсом, а после кино пообедали в ресторане, где подавали гамбургеры и делали умопомрачительные молочные коктейли.

Поливая кетчупом жареную картошку, Лора сказала:

- Вам здорово повезло, что социальная служба прислала меня, а не какого-нибудь другого ребенка.

Карл поднял брови:

- Вот как?

- Дело в том, что вы хорошие, даже *слишком* хорошие, а поэтому уязвимые, даже больше, чем сами думаете. Вы легкая добыча. Любой ребенок вас сразу раскусит и воспользуется вашей слабостью. Без всякого снисхождения. Но со мной вы можете быть спокойны. Я никогда не буду злоупотреблять вашей добротой, и вы никогда не пожалеете, что взяли меня к себе.

Они в изумлении смотрели на Лору.

Наконец Карл повернулся к Нине:

- Они нас обманули. Это не ребенок. Они нам подсунули карлицу.

В этот вечер в кровати, ожидая, когда придет сон, Лора твердила свое заклинание для самозащиты: «Не люби их слишком сильно, не люби их слишком сильно». Но она уже любила их всем сердцем.

Супруги Доквайлер записали ее в частную школу, где требования были выше, чем в государственных, которые она посещала прежде, но это только ее раззадорило, и она училась еще лучше. Постепенно у нее появились друзья. Она скучала по Тельме и Рут, но утешалась тем, что они должны радоваться обретенному ею счастью.

Она даже стала с верой смотреть в будущее и подумывать, что и ей там уготован кусочек счастья. Разве у нее не было личного хранителя? Возможно, даже ангела-хранителя. А если уж кому судьба послала ангела-хранителя, то его ждут впереди любовь, счастье и благополучие.

Вот только может ли ангел-хранитель прострелить человеку голову? Или избить его до потери сознания? Пусть так. Все равно у нее был очень мужественный хранитель, ангел или кто другой, а еще любящие приемные родители, и разве можно отказываться от счастья, если оно тебе падает с неба?

Пятого декабря, во вторник, Нина пошла к кардиологу, которому она показывалась каждый месяц, поэтому, когда во второй половине дня Лора вернулась из школы, дома никого не было. Она открыла дверь своим ключом и положила книги на столик в стиле Людовика XIV рядом с лестницей.

Огромная гостиная была декорирована в кремовых, розовых и бледно-зеленых тонах, отчего казалась уютной, несмотря на свои размеры. Лора остановилась у окна полюбоваться видом и пожалела, что рядом нет Рут и Тельмы; у нее мелькнула мысль, а не могли бы они приехать сюда.

Почему бы и нет? Карл и Нина обожали детей. Их любви с избытком хватит для кучи детей, для целой сотни.

- Шейн, - сказала она вслух, - ты гений.

Она пошла на кухню и приготовила еду, чтобы взять к себе в комнату. Она налила стакан молока, разогрела в духовке булочку с шоколадом, достала из холодильника яблоко, и все время обдумывала, как заговорить с Доквайлерами о сестрах-двойняшках. Идея казалась ей вполне осуществимой, и она не могла обнаружить в своем плане ни сучка ни задоринки. С полными руками она плечом открыла дверь из кухни.

Угорь поджидал ее в столовой; он схватил ее и с такой силой швырнул об стену, что у нее перехватило дыхание. Яблоко и шоколадная булочка слетели с тарелки, тарелка выскочила у нее из руки, он выбил стакан молока из другой, и тот со звоном разбился об обеденный стол. Он снова схватил ее и снова швырнул об стену; боль пронзила ей спину, зрение затуманилось, но ей нельзя было терять сознание, и она цеплялась за него из последних сил, хотя все ее тело кричало от боли, не хватало дыхания, она плохо соображала.

Где же ты, мой хранитель? Где?

Шинер придвинул свое лицо к ее лицу, ужас обострил до предела ее чувства, и она с особой ясностью увидела каждую деталь его искаженной бешенством физиономии: все еще багровые швы в том месте, где ему пришили обратно ухо, черные точки в складках у носа, следы от юношеских прыщей на мучнистого цвета коже. В его зеленых глазах не было ничего человеческого, это были лютые и свирепые глаза дикой кошки.

Вот сейчас хранитель оттащит от нее Угря и убьет его на месте. Сейчас. Немедленно.

- Теперь ты попалась, крошка. - Его пронзительный голос был голосом маньяка. - Теперь не вырвешься, и ты мне скажешь, кто был этот гад, который меня избил. Я ему оторву голову.

Он держал ее за руки выше локтей, и его пальцы больно вцепились в тело. Он поднял ее с пола до уровня своего лица и прижал к стене. Ее ноги болтались в воздухе.

- Кто он, эта сволочь? - Он был очень сильным для своего роста. Он оторвал ее от стены и вновь ударил о нее, не опуская на землю. - Скажи мне, детка, или я оторву тебе ухо!

Сейчас. Он может появиться в любое мгновение.

Боль пульсировала в каждой клетке ее тела, но она сумела втянуть воздух в легкие, хотя этот воздух был его дыханием, вонючим и тошнотворным.

- Отвечай мне, детка.

Она умрет, ожидая помощи ангела-хранителя.

Она лягнула его в ширинку. Это было точное попадание. Он стоял, широко расставив ноги, он не привык, чтобы девочки оказывали сопротивление, поэтому удар был для него полной неожиданностью. Его глаза расширились, на секунду приобрели почти человеческое выражение, и он издал придушенный вопль. Он отпустил руки. Лора полетела на пол, а Шинер попятился, потерял равновесие, упал спиной на обеденный стол, а оттуда на пол, где скорчился на боку на китайском ковре.

Почти парализованная болью, шоком и страхом, Лора не могла подняться на ноги. Ватные ноги. Тряпичные. Тогда ползи. Она еще могла ползти. Прочь от него. Изо всех сил. К арке гостиной. В надежде, что там она сможет подняться на ноги. Он ухватил ее за левую щиколотку. Она попыталась вырваться. Не вышло. Ватные ноги. Шинер вцепился в нее. Холодные пальцы. Как у трупа. Он тонко, пронзительно подвывал. Псих. Она попала рукой в мокрое пятно на ковре. Увидела стакан. Верхушка стакана была разбита. Тяжелое дно оцетинилось острыми зубринами. На них еще висели капли молока. Угорь, все еще хватавший ртом воздух и скорчившийся от боли, держал ее уже за вторую щиколотку. Извиваясь, рывками, он старался добраться до нее. Он по-прежнему тонко подвывал. Как щенок. Сейчас навалится на нее. Придавит к земле. Она схватила разбитый стакан. Поранила палец. Не почувствовала боли. Он отпустил ее щиколотки, чтобы обнять за бедра. Она выкрутилась и перевернулась на спину. Как если бы она была угрем. Выставила навстречу разбитый стакан; не для того чтобы ударить, чтобы напугать. Но он уже опускался, падал на нее, и три стеклянных острия вонзились ему в горло. Он попытался откинуться. Схватился за стакан. Зазубрины, отломившись, застряли у него в горле. Давясь, задыхаясь, он прижал ее к полу своей тяжестью. Кровь текла у него из носа. Она попыталась вывернуться. Его ногти царапали ее тело. Он тяжело придавил коленом ее бедро. Она почувствовала его рот у себя на горле. Слегка прикусил кожу. В следующий раз, если она позволит, отхватит кусок побольше. Она забилась под ним. Дыхание свистело и булькало в его изуродованном горле. Она вывернулась. Он сделал попытку ее поймать. Лора ударила его ногами. Ноги теперь работали лучше. Это был верный удар. Она поползла к гостиной. Ухватила за деревянную арку. Поднялась. Обернулась. Угорь тоже стоял на ногах, вооружившись, как палицей, стулом. Он размахнулся. Она увернулась. Стул с грохотом ударил по раме арки. Шатаясь, она вошла в гостиную, двинулась к прихожей, к выходу, к спасению. Он швырнул в нее стул. Удар пришелся по плечу. Она упала. Несколько раз перевернулась. Взглянула вверх. Он навис над нею, схватил за левую руку. Ее силы убывали. Тьма заволакивала глаза. Он схватил ее за другую руку. Конец. Если бы осколок стекла в горле не перерезал еще одну артерию. Внезапно кровь

хлынула у него из носа. Огромной отвратительной массой он свалился на нее. Он был мертв.

Она не могла двинуться, вздохнуть, с трудом сохраняла сознание. Сквозь свои нервные всхлипывания она услышала звук открываемой двери. Шаги.

- Лора! Ты дома? - Это был голос Нины, сначала оживленный и радостный, потом пронзительный от ужаса. - Лора? Боже мой, Лора!

Лора попыталась столкнуть с себя мертвое тело, но это удалось ей только наполовину, зато теперь она могла видеть Нину в арке передней.

На мгновение шок парализовал женщину. Не веря своим глазам, она смотрела на кремово-розовую и зеленую, как морская волна, комнату: изысканный декор дополняли многочисленные алые пятна. Взгляд ее фиалковых глаз вновь обратился к Лоре, и она вышла из оцепенения.

- Лора, боже мой, Лора! - Она сделала три шага вперед, остановилась как вкопанная и склонилась, обнимая себя, как будто получила удар в живот. Она издала странный звук: «Ух, ух, ух, ух». Попыталась выпрямиться. Ее лицо исказилось. Она не могла стоять прямо, свалилась на пол и смолкла.

Не может быть, чтобы это случилось. Это несправедливо, несправедливо.

Испуг и любовь к Нине придали Лоре новые силы. Она выбралась из-под Шинера и быстро поползла к приемной матери.

Нина казалась безжизненной. Ее прекрасные глаза были открыты, но смотрели невидящим взором.

В поисках пульса Лора положила свою окровавленную руку на шею Нины. Ей показалось, что она его нашла. Слабое, неровное биение.

Она схватила подушку с кресла и подложила под голову Нине, потом побежала на кухню, где на телефоне были номера полиции и пожарной охраны. Запинаясь, она сообщила о сердечном приступе у Нины и дала пожарным свой адрес.

Вешая трубку, она не сомневалась, что все будет в порядке, ведь она уже потеряла от сердечного приступа одного из родителей, своего отца, и было бы нелепо потерять Нину по той же причине. В жизни случались нелепые вещи, это правда, но ведь сама по себе жизнь не была нелепостью. Жизнь была непонятной, трудной, удивительной, бесценной, загадочной, бедной, но никак не нелепой. Нина должна жить, потому что ее смерть была бы абсурдом.

Все еще напуганная и обеспокоенная, но уже чувствуя себя лучше, Лора поспешила обратно в гостиную, стала на колени возле своей приемной матери и обняла ее.

Ньюпорт-Бич располагал первоклассной службой «Скорой помощи». Машина приехала через три-четыре минуты после звонка Лоры. Два фельдшера знали свое дело и имели в своем распоряжении все необходимое. Однако через несколько минут они объявили, что Нина мертва; она умерла в тот момент, когда упала на пол.

Через неделю после возвращения Лоры в приют и за восемь дней до Рождества миссис Боумен вернула Тамми Хинсен на четвертую кровать в комнате Аккерсон. В непривычной беседе с Лорой, Рут и Тельмой миссис Боумен объяснила причину такого решения:

- Вы говорите, девочки, что Тамми не уживается с вами, однако у вас ей лучше, чем в других местах. Мы селили ее в другие комнаты, но другие девочки ее не выносят. Не знаю, что в ней такого, что делает ее парией, но ее соседки в конце концов начинают ее бить.

Вернувшись в комнату еще до появления Тамми, Тельма уселась на пол в основной позе йогов: ноги скрещены, пятки упираются в бедра. Она заинтересовалась йогой, когда битлы увлеклись восточной медитацией, и говорила, что, когда она наконец встретится с Полом Маккартни - она считала это своей неотвратимой судьбой, - им будет о чем поговорить, а именно о такой ерунде, как йога.

Теперь же, вместо того чтобы заниматься медитацией, она сказала:

- Представляете, как бы отреагировала эта корова, если бы услышала от меня: «Миссис Боумен, мы не любим Тамми потому, что она позволяла Угрю все до последнего, да еще помогала ему сладить с другими слабыми девочками, так что для нас всех она враг». Что бы сказала эта туша Боумен, если бы я ей все это выложила?

- Она сказала бы тебе, что ты трепло, - объявила Лора, плюхаясь на свою провисшую кровать.

- Верно. А потом бы она меня сожрала вместе с потрохами. Можно ли быть толще? Она раздувается с каждым днем. Люди таких размеров просто опасны: это ненасытное всеядное животное способно слопать на десерт вместо шоколадного мороженого целого ребенка.

Стоя у окна и глядя вниз на спортивную площадку, Рут сказала:

- Несправедливо, что другие девочки так относятся к Тамми.

- Жизнь вообще несправедлива, - добавила Лора.

- Жизнь не сахар, - подхватила Тельма. - Послушай, Шейн, прекрати разводить философию и выдавать прописные истины. Ты же знаешь, как это навязло у нас в зубах, хуже Бобби Джентри с «Балладой о Билли Джо».

Когда час спустя явилась Тамми, Лора нервничала. Ведь она убила Шинера, а Тамми от него зависела. Она ожидала, что Тамми будет ожесточенной и злой, но девочка поздоровалась с ней и улыбнулась искренней, застенчивой и пронизывающе печальной улыбкой.

После двухдневного пребывания Тамми в комнате стало ясно, что она сожалела о смерти Угря и потере его извращенной привязанности, но также испытывала облегчение.

После смерти Угря и Нины Доквайлер Лора по вторникам и субботам имела получасовые беседы с психотерапевтом, доктором Буном, который приходил в приют в эти дни. Доктор Бун не понимал, как Лора могла перенести потрясение, вызванное нападением Вилли Шинера и трагической смертью Нины, безо всяких психологических нарушений. Его ставили в тупик рассудительность, с какой она рассказывала о своих переживаниях, и взрослые слова, какими она объясняла свое восприятие событий в Ньюпорт-Бич. Он не учитывал, что Лора выросла без матери, потеряла отца, перенесла много тяжелых и страшных моментов и, что самое главное, горячая любовь отца закалила ее: она была жизнерадостной и неунывающей, сгибалась, но не

падала под ударами судьбы. Она говорила о Шинере с полным равнодушием, а о Нине с печалью и любовью, но для психиатра ее спокойствие было скорее видимым, чем реальным.

- Значит, ты видишь во сне Вилли Шинера? – спрашивал доктор, сидя рядом на диване в небольшом кабинете, выделенном для него в приюте.

- Я только два раза его видела. И то в ночных кошмарах. У всех детей бывают ночные кошмары.

- Нина тебе тоже, конечно, снится. Это тоже кошмары?

- Совсем нет! Это хорошие сны.

Доктор был удивлен.

- А когда ты вспоминаешь Нину, тебе грустно?

- Да. Но я... Я также вспоминаю, как весело нам было ездить по магазинам, как мы примеряли платья, свитеры. Вспоминаю ее улыбку и смех.

- А угрызения совести? Ты чувствуешь себя виноватой в том, что случилось с Ниной?

- Нет. Может быть, Нина не умерла бы, если бы я не пришла в гостиную и не привела за собой Шинера, но я не испытываю чувства вины. Я старалась быть хорошей приемной дочерью, и они были счастливы со мной. Просто жизнь преподнесла нам большой сюрприз, но это не моя вина. Сюрприз – это всегда сюрприз, от него не спрячешься.

- Сюрприз? – переспросил доктор в недоумении. – Значит, ты считаешь, что жизнь – это череда неожиданностей? Как в немой комедии?

- До какой-то степени.

- Значит, жизнь – это комедия?

- Нет, жизнь – вещь серьезная и смешная одновременно.

- Разве это возможно?

- Если вы этого не понимаете, – сказала Лора, – то, наверное, вопросы должна задавать я.

Лора заполнила целые страницы следующей тетради своего дневника замечаниями о докторе Буне. О неизвестном ангеле-хранителе там не было ни строчки. Она даже старалась не вспоминать о нем. Он ее подвел. А Лора привыкла рассчитывать на него. Усилия, которые он приложил для ее спасения, заставили ее почувствовать себя особенной, и эта мысль служила ей опорой после смерти отца. Теперь она раскаивалась, что посмела надеяться на кого-то, кроме себя, когда речь шла о ее жизни. Она по-прежнему хранила, но больше не перечитывала ту записку, что он оставил на столе после похорон отца. И с каждым днем прошлые подвиги ее хранителя во имя ее блага все более казались вымыслом, нечто вроде сказок о Санта-Клаусе, которым она давно не верила.

В день Рождества девочки вернулись к себе в комнату нагруженные подарками, полученными от благотворительных обществ и просто отдельных жертвователей. Вечер завершился пением рождественских песен, и Тамми удивила Лору и близнецов, присоединившись к хору. Она пела

негромким, дрожащим голосом.

Прошло еще немного времени, и она почти перестала грызть ногти. Она еще не преодолела целиком свою замкнутость, но казалась более спокойной и довольной собой, чем когда-либо прежде.

- Теперь, когда нет этого извращенца, - сказала Тельма, - она, смотришь, и оправится.

Двенадцатого января 1968 года, это была пятница, Лоре исполнилось тринадцать лет, но она не отмечала день рождения. У нее не было настроения.

В предыдущий понедельник ее перевели из приюта Макилрой в Касвелл-Холл, приют для старших детей в Анахейме, в пяти милях от ее прежнего места обитания.

- Жди нас в мае, - успокаивала ее Тельма. - Второго мая нам исполнится тринадцать, и нас только тут и видели. Мы будем снова вместе.

Когда воспитательница из Касвелла приехала за ней, Лора не хотела оставлять старое место, но потом подчинилась судьбе.

Приют Касвелл-Холл размещался в старом школьном здании, где классы были превращены в спальни, комнаты отдыха в кабинеты воспитателей. Атмосфера Касвелл-Холла была более казенной, чем в приюте Макилрой.

Касвелл был также опасней приюта Макилрой, потому что здесь жили подростки, многие из которых были настоящими малолетними преступниками. В стенах Касвелла можно было достать марихуану и другие наркотики, и среди юношей, а также и девушек часто вспыхивали драки. Возникали группы, как это было и в приюте Макилрой, но только в Касвелле многие из этих групп по своей организации, действиям и поступкам мало чем отличались от уличных банд. Воровство было обычным делом.

Лора очень скоро поняла, что в жизни выживают два типа людей: первые, как она сама, черпавшие необходимую стойкость в той любви, которая некогда выпала на их долю; и вторые, не знавшие этой любви, в чьих душах жила ненависть, и находившие жалкое удовлетворение в драках и проявлениях мести. Они отвергали нормальные человеческие чувства и в то же время завидовали тем, кто был на них способен.

В Касвелле Лора все время была начеку, но не дала страху взять над собой верх. Головорезы были страшными и жалкими одновременно, а в своем позерстве и непременных стычках даже смешными. В Касвелле никто не разделял ее мрачный юмор: она не нашла здесь вторых сестер Аккерсон; поэтому она заполняла своими впечатлениями аккуратные тетради дневников. Она ждала, когда сестрам исполнится тринадцать, а пока это был монолог, обращенный к самой себе; это было время самоизучения и обогащения, время дальнейшего знакомства с комическим и в то же время трагическим миром, в котором она жила.

В субботу тринадцатого марта Лора читала у себя в комнате, когда вдруг услышала, как одна из ее соседок, известный нытик Фрэн Виккерт, рассказывает в коридоре о пожаре, в котором погибло несколько детей. Лора не прислушивалась к разговору, пока не уловила слово «Макилрой».

Ее мгновенно охватил страх, сердце замерло, руки похолодели.

Уронив книгу, Лора выскочила в коридор, испугав собеседниц.

- Когда? Когда случился пожар?

- Вчера, - ответила Фрэн.

- И сколько... сколько погибло?

- Не много, кажется, двое, а может, и один человек, но говорят, там стоял запах горелого мяса. Представляете, какой ужас...

Лора схватила Фрэн за плечи.

- Ты знаешь имена?

- Ты что, с ума сошла?

- Скажи мне имена!

- Я не знаю никаких имен. Господи, да что это с тобой?

Лора не помнила, как рассталась с Фрэн, не помнила, как выскочила за ворота приюта и очутилась на авеню Кателла, далеко от Касвелл-Холла. На авеню Кателла располагались торговые склады, в некоторых местах на ней не было тротуаров, и Лора бежала по обочине дороги, а мимо проносились автомобили. От Касвелла до приюта Макилрой было пять миль, и Лора плохо знала дорогу. Но она полагалась на свое чутье и бежала до изнеможения, то замедляя шаг, то снова пускаясь бегом.

Наверное, надо было сразу пойти к кому-то из воспитателей в Касвелле и спросить имена детей, погибших на пожаре. Но Лора уверила себя, что ей следует проделать весь трудный путь до приюта Макилрой; что только от этого зависит судьба близнецов Аккерсон; что, позвони она в приют, ей наверняка скажут, что сестер нет в живых; но, если она преодолет бегом все пять миль, сестры будут целы и невредимы. Это было чистое суеверие, но она поддалась ему.

Смеркалось. Когда Лора добралась до приюта, мартовское небо было багряным от заката, а края редких облаков словно охвачены пламенем. С облегчением она увидела, что пожар пощадил фасад старого особняка.

И хотя она обливалась потом и еле держалась на ногах, а голова разламывалась от боли, она не замедлила шага, а поспешила дальше. Она встретила шестерых детей в коридоре на первом этаже и троих на лестнице, двое позвали ее по имени. Но она не задержалась, чтобы расспросить их о пожаре. Она должна была увидеть все своими глазами.

На последней площадке она почувствовала запах пожара: едкая смолистая вонь от сгоревших вещей, стойкий кислый запах паленого. А когда она открыла дверь в коридор на третьем этаже, она увидела открытые окна по концам коридора, а посередине вентиляторы, которые разгоняли воздух, насыщенный запахом гари.

В комнате Аккерсон была новая некрашенная дверь и новая дверная рама, но стена была обожжена и испачкана сажей. Написанное от руки объявление предупреждало об опасности. Все двери в приюте не имели замков, и Лора, не обращая внимания на записку, настежь распахнула дверь, вошла внутрь и увидела то, чего так страшилась: полное разрушение.

Свет позади в коридоре и красный закат в окне недостаточно освещали комнату, но Лора увидела, что из нее вынесли остатки сгоревшей мебели; в комнате не было ничего, кроме страшных следов пожара. Пол был черным от сажи и обуглился, хотя доски и сохранились. Стены закоптились от дыма. Створки стенных шкафов сгорели до основания, несколько полусгоревших кусков дерева висели на расплавившихся петлях. Окна или вылетели, или были выбиты теми, кто пытался спастись от языков пламени; зияющие оконные проемы были закрыты прозрачным пластиком. К счастью для обитателей приюта, огонь распространялся вверх, а не в стороны и выжег потолок. Лора взглянула вверх, где в темноте виднелись толстые обгоревшие чердачные балки. Она не увидела неба – значит, пожар удалось потушить до того, как загорелась крыша.

Лора дышала тяжело, с трудом, не потому, что не отдышалась после тяжелой дороги, а потому, что страх больно сжимал ей грудь, перехватил горло. И каждый вдох горького угарного воздуха вызывал тошноту.

С той самой минуты, когда в Касвелле она услышала о пожаре, она уже знала правду, но не решалась признаться себе в этом. У Тамми Хинсен как-то нашли банку с бензином для зажигалок и спички: она собиралась поджечь себя. Уже тогда, узнав об этом запланированном самосожжении, Лора не сомневалась, что Тамми доведет дело до конца, потому что самосожжение было для нее самой *подходящей* формой самоубийства: соединение внешнего огня с внутренним, который сжигал ее многие годы.

«Боже милостивый, сделай так, чтобы в комнате была одна Тамми, когда начался пожар».

Еле держась на ногах от едкого запаха дыма и шока при виде разрушения, Лора выбралась в коридор из опустошенной пламенем комнаты.

- Лора, это ты?

Лора подняла голову и увидела Ребекку Богнер.

Дыхание с хрипом неровно вырывалось у нее из груди, но она сумела произнести:

- Рут... Тельма?

Мрачное выражение на лице Ребекки лишило Лору надежды, что близнецам удалось спастись, но Лора повторила дорогие ей имена, и в ее голосе прозвучали просительные, жалобные нотки.

- Там, - сказала Ребекка и показала в конец коридора. - Предпоследняя комната слева.

С внезапной надеждой Лора бросилась туда. Три кровати в комнате были не заняты, на четвертой лицом к стене кто-то лежал; на тумбочке рядом горела настольная лампа.

- Рут, это ты? Тельма?

Девочка медленно поднялась с кровати, это была одна из двойняшек, целая и невредимая. На ней было неряшливое, мягкое серое платье, волосы не причесаны, лицо опухшее, глаза влажные от слез. Она сделала шаг навстречу Лоре и остановилась, как будто у нее не было больше сил.

Лора бросилась к ней и обняла.

Девочка положила голову Лоре на плечо и наконец заговорила полным муки голосом:

- Лучше бы это была я, Шейн. Почему выбор пал на нее, а не на меня?

Сначала, пока она не заговорила, Лора принимала ее за Рут.

Отвергая неизбежное, Лора спросила:

- А где же Рут?

- Ее больше нет. Умерла. Я думала, ты знаешь. Нет больше моей Рут.

Лора почувствовала, как что-то внутри у нее сломалось. Потрясение было столь глубоким, что высушило слезы; она онемела, застыла на месте.

Они долго стояли без слов, обняв друг друга. Стемнело. Они подошли к кровати и сели на край.

Какие-то девочки появились в дверях. Наверное, они жили вместе с Тельмой, но Лора махнула рукой, чтобы они не мешали.

Не поднимая глаз, Тельма сказала:

- Я проснулась от крика, ужасного крика... и свет был такой яркий, что я не могла смотреть. Вдруг я поняла, что в комнате пожар. Тамми горит. Пылает, как факел. Бьется на кровати в пламени и кричит...

Лора обняла ее, ожидая, когда она снова заговорит.

- Пламя перебросилось с Тамми на стену и побежало прямо вверх, загорелась кровать, потом пол, вспыхнул ковер...

Лора вспомнила, как Тамми пела вместе с ними на Рождество и как она постепенно, с каждым днем, обретала душевное равновесие. Теперь стало ясно, что это спокойствие было спокойствием человека, который решил положить конец своим мукам.

- Кровать Тамми была ближе всех к двери, дверь загорелась, и я разбила окно возле меня. Я позвала Рут... она... она крикнула, что идет, все заволкло дымом, я ничего не видела. Хэтер Дорнинг, она спала на твоей кровати, подбежала к окну, и я помогла ей выбраться, дым вытянуло через окно, и я увидела, что Рут пытается набросить на Тамми свое одеяло, чтобы сбить пламя, но одеяло тоже загорелось, и я видела, что Рут... Рут... Рут тоже горит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)